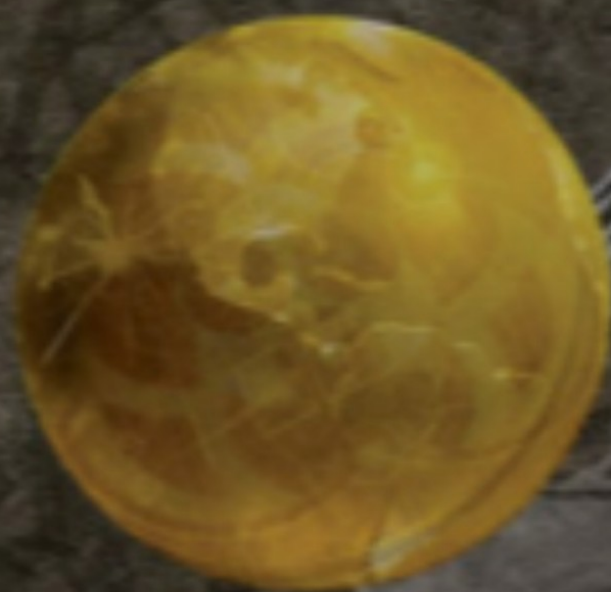

Андрей Демидов

ЗОЛОТАЯ ЛОЦЦИЯ ВИКИНГОВ

16+

Андрей Демидов

Золотая лоция викингов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Демидов А. Г.

Золотая лоция викингов / А. Г. Демидов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Историко-приключенческий роман о первых контактах славян, недавно обосновавшихся в междуречье рек Москвы и Оки, рядом с коренными жителями этих мест - голядью, мокшанами и эрзей. Действие разворачивается в 630 году нашей эры. В основе сюжета лежит история о походе князя кривичей Стовова Багрянородца и его союзников голиндов, и викингов конунга Вишены Стреблянина в Восточную Европу в поисках таинственного восточного артефакта и золотого сокровища.

© Демидов А. Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие от автора	5
Пролог	7
Глава первая. Конунг викингов Вишена Стреблянин	9
Глава вторая. Снеккер с востока	16
Глава третья. Золото последнего императора династии Суй	22
Глава четвёртая. Расплата и похищение сына Ярла Эймунда	31
Глава пятая. Ветер Янтарного моря	39
Глава шестая. Моонзунд	48
Глава седьмая. Князь кривичей Стовов Багрянородец	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Предисловие от автора

Русь доначальная...

Странное звучание слов, будто лишённое смысла, будто присутствуешь при рождении своего отца. Но это не так, и вот почему...

Не то, чтобы очень хотелось написать роман о тех людях, что жили на реке Москве до появления русских, ведь на самом деле, русские образовывались и развивались одновременно, и включая в себя всех тех, кто издревле жил в этих местах. Просто, перемещаясь по шкале времени на 1400 лет назад к рекам Неглимне (Неглинка), Аузе (Яузе) и реке Москве, приходится оказаться в глухих местах, где живёт прибалтийское племя голядь, родственное прибалтийским голиндам, упомянутым в IV веке историком Иорданом применительно к войне готов с прибалтийскими народами. Сама же прибалтийская Галиндия на территории современной Калининградской области, бывшей Восточной Пруссии, упоминается греческим историком II века Птолемеем.

Последнее упоминание о многочисленном племени голяди, сохранившаяся в русских уже летописях, массово переписанных в угоду возвеличивания царской власти скандинавской династии рюриковичей во времена первого русского царя Ивана IV Грозного, датируется 1248 годом, когда князь Михаил, брат Александра Невского был убит литовцами, так тогда называли всех прибалтов независимо от их этнического происхождения, на реке Протве. Литовцами на реке Протве в то время русские летописцы могли назвать только галиндов.

Конечно же древний народ, так широко расселенный от Смоленска до Владимира никуда не делся, не испарился, и не мог быть истреблён малочисленными для таких огромных лесных просторах южными и северными славянами. Просто, не имея собственного единого центра исторической памяти и записей о ней, народ галиндов влился в состав тех, кого потом стали называть русскими. Похожий пример с игрой названий мы наблюдаем и с другими современниками галиндов – мокошью, тоже живущих по реке Ока ещё до появления славян. Сейчас же мокошь, похожим образом, как и голядь является частью русского этноса, является частью народа мордва вместе с эрзей, хотя даже языки у эрзи и мокши разные, а само русское слово мордва является для них оскорбительным. Так или иначе, но это очень интересно – обретение предков, и это стоит усилий писателя и читателя. Парадокс в том, что никто не может утверждать со стопроцентной гарантией, что событий, о которых идёт речь в легенде о Золотой лоции не могло быть на самом деле, как невозможно сквозь завесу небытия прошлого утверждать обратное. Москва в VII веке, это времена не то, что 'Русь изначальная', как у писателя-историка Валентина Иванова, это скорее Русь до начальная. Если у Валентина Иванова речь идёт о славянах южных, составивших потом ядро киевских и черниговских земель, то о кривичах, славянах северных, литве и финнах, составивших ядро московской земли, пойдёт речь в книгах о мифической Золотой лоции.

Словно символ древней и сильной крови галиндов, текущей в жилах всех русских людей – это река с их именем – Голядянка, приток Москвы-реки, текущая сейчас в коллекторах под районами современной Москвы, и одноимёнными станциями московского метрополитена: Владыкино, Выхино, Жулебино, Аннино, Кузьминки, Люблино...

От двойной бесконечной глубины, бывшей и будущей человеческой истории, от рождения-смертей сотен миллиардов людей и человекоподобных гоминидов, становится жутко, особенно когда чувствуешь совокупность их существовавших и предстоящих сознаний и мыслей, это словно стоять на самом краю бездонного пропасти прошлого и такую же пропасть видеть над собой, в грядущем.

Что касается викингов из моего романа, то это не герои поп-культуры, не полуголые культуристы в рогатых шлемах с огромными топорами и в сопровождении красоток вoble-

гающих кожаных чулках и бикини, а группы вольных людей из Скандинавии, совершавших вики – военно-торговые походы (не путать с войнами северных государств и королей). Они были самыми последними из представителей всех германских племён, которые в течение 1000 лет, начиная со времён Римской империи, волнами двигались из Скандинавии на юг в сторону Средиземного моря, сметая народы и государства, образуя свои государства по всей Европе вплоть до африканского побережья (этими германскими племенами были всем известные франки, саксы, англ, даны, алеманы, лангобарды, готы, бургунды, бельги и так далее). У разношёрстных викингов, оставшихся последними на не гостеприимных берегах Скандинавии, уже не было сил на завоевание целых стран и империй, на подчинение серьёзных территорий, поэтому они ограничились москитным набегами, которые были как комариные укусы европейским народам (не смертельно, но сильно чешется и раздражает), и ничего кроме того, как наниматься ко всем подряд в качестве отрядов наёмников (к византийцам, славянам и тем, кого называли русами, к франкам, арабам и т.д.), у них толком не вышло, пока поток этих северных горцев не иссяк сам собой всего за сто лет.

Для тех, кто умер, будь то микроб или человек, время исчезает, но все связаны друг с другом. И уход одного – это потеря для многих, потому, что это победа извечного врага жизни – Хроноса.
Примириться с потерей – это значит сдаться, и против Смерти встаёт
Память – преграда смерти уже не бытия, а сознания. Именно память делит время на прошлое, настоящее и будущее, и реально только прошлое...

Л.Н. Гумилёв

Пролог

Эта история началась почти за тысячу лет до того как появились на свет её главные герои. Малолюдный в то время, глиняно-деревянный Древний Рим тогда ещё с трудом удерживал в повиновении народы Италии и пытался одолеть торговый город Карфаген и воинственные полисы Греции, а в Китае уже возникла империя с многомиллионным и разноплеменным народом. Кроме строительства дорог, дворцов, каналов и перестраивания великих стен, первый император Цинь Шихуан строил себе величественную гробницу на горе Лишань, под ней и вокруг неё. Кроме непревзойдённого никем и никогда количества воинов, колесниц с лошадьми, актёров, музыкантов, чиновников и женщин, император собирался взять с собой в другой мир все сокровища империи. При их сборе в предгорьях восточного Тибета и был найден диковинный шар из золота. Это было чудесное золото – его нельзя было расплавить, разрезать или утопить в воде. На этой золотой сфере размером с голову человека, были изображены моря и земли, известные и неизвестные тогда, покрытые загадочными письменами, изображениями и особыми местами для установки каких-то устройств и предметов. Этот шар невозмутимые и умные чиновники первого императора назвали Золотой лоцией, потому что по ней, если зрение было острым, можно было прокладывать торговые пути и военные дороги на запад через Азию, на север за монгольские просторы, на юг и запад к далёкому огромному острову, за которым снова была Европа. Потом эти искушённые в делах службы чиновники, чтобы возвысить императора, имеющего сомнительное для окружающих стран происхождение от наложницы, придумали красивую историю о том, что шар был подарен ему небесными богами, небесными правителями как часть божественной силы. После смерти первого императора Цинь Шихуана и его величественного погребения вместе со своими живыми и глиняными подданными среди ртутных рек и серебряных гор и лесов, его сын нарушил клятву и не стал достраивать погребальный город отца под огромной земляной пирамидой, а решил строить себе новый дворец. Большую часть золота, серебра и драгоценных предметов из состава сокровищ он тайно вынул из отцовской пирамиды под горой Лишань для создания собственного мира роскоши. Так Золотая лоция в бесчисленный раз была найдена опять. Спустя восемьсот лет после этого, при драматических событиях становлении шестой императорской династии Тан, Золотая лоция в составе сокровищ предыдущей династии была украдена и вывезена чиновниками-беглецами по Шёлковой торговой дороге на запад.

Сыну основателя династии Тан досталось плохое наследство – страна была разорена, кочевники со всех сторон нападали на провинции, грабили, уводили население, везде образовывались свободные территории со своими князьями и правителями. Каналы и плотины приходили в запустение, реки разливались, смывая целые города, мор и неурожай, землетрясения, затмения и кометы заполнили помрачённый мир Поднебесной империи. Золото нужно было обязательно вернуть для укрепления власти. Молодой император Тайцзун объявил огромную награду за каждого выданного сторонника Суй, скрывающегося в кочевьях вдоль дороги на запад. Ему привели столько беглецов, сколько иголок на ели. Их всех долго и изощрённо пытали. Наконец, на восточных предгорьях Тянь Шаня, золото императоров династии Суй было найдено и перевезено в самый большой город мира построенный тогда людьми – Чаньань, откуда начинается великий Шёлковый путь. Тех, кто прятал золото, по приказу императора закопали в землю живьём. В Поднебесной империи на некоторое время настал мир и процветание.

Но золото вернулось не совсем всё. Не было тридцати возов с разными сокровищами и Золотой лоции. Тем временем уцелевшие беглецы, бывшие старшие чиновники династии Суй, медленно идущие с украденными сокровищами от оазиса к оазису по Великому Шёлковому пути, получили ответ от папы римского Гонория. Папа писал им, что престол святого Петра

примет беглецов под защиту всего латинского христианского мира в обмен на половину имеющегося у них богатства. Дождавшись очередного огромного, в тысячу верблюдов, арабского каравана, среди которого были китайские беглецы, легаты латинской церкви погрузили золото и беглецов на вёсельную галеру в конце Шёлкового пути, в сирийской Антиохии. Однако до итальянских берегов галера не дошла. Ночью около Крита, командир папского отряда и двадцать его воинов в жестоком бою убили своих товарищей и вельмож с их семьями и слугами. У Фессалоник они затопили галеру вместе с рабами-гребцами и греком-лоцманом. Наняв подводы, итальянцы ушли с золотом в долину реки Марицы к Адрианополю. Когда они спрятали сокровища в горной пещере и собираются вернуться к Марице, на них напал аварский отряд...

Странным образом известие о волшебном предмете из числа китайских сокровищ достигло книжника Рагдая, родом из Тёмной земли, что между Волховом и Окой. Жажда знаний у некоторых людей пересиливает даже страх смерти. И этот книжник Рагдай со своими друзьями, вольными и невольными, положил начало цепи странных и таинственных событий, давно уже забытых, но тогда самым неожиданным образом втянувших в себя множество самых разных людей и сил среди грандиозного хаоса переселения средневековых народов...

Глава первая. Конунг викингов Вишена Стреблянин

Ночь гладила морщины скал, бархатной чернотой накрывала расщелины и выступы. Между отвесными стенами фьорда вода лежала в лунном свете серебряным зеркалом: спокойная, безмятежная гладь, неподвластная холодному резкому северному ветру. Отдаляясь от Восточного моря, фьорд делал несколько поворотов, изгибался к западу и заканчивался каменными россыпями. Через них в фьорд стекала хрустально-чистая вода маленькой, но шумной речки. Её каменистые берега были пологими и скрывали два ручья, подходившие к реке с двух сторон недалеко от устья. Высокие, пышные ели торжественно стояли почти у самой воды. Широким клином лес поднимался к разрыву между скалами, образующими здесь седловину, теснился на перевале и уходил бесконечным ковром дальше, на северо-восток, туда, где снег никогда не таял, а огромные реки льда текли со скоростью один шаг в день.

В десяти шагах от берега, под нежный звук плеска воды, как большие рыбы выброшенные на берег, стояли два больших корабля-кнорра, за ними несколько снеккеров, накрытых промасленной рогожей. Вокруг них волнами висели волнам на жердях сети с поплавками из коры. Над потухшим костром недалеко от них, от ветра поскрипывал на треноге чан, сбитый из железных полос, с залитыми смолой боками. Под ним громоздилась куча хвороста и дров приготовленных для растопки.

Недалеко от кнорров, среди елей, на катках из толстых брёвен, стоял огромный чёрный корабль-драккар. Он был сорок шагов в длину и десять в ширину. Его мачта, будь она сейчас установлена, горделиво возвышалась бы над кронами высоких деревьев. Голова дракона была снята, чтобы не пугать местных духов. Раскрытая деревянная пасть виднелась из-под навеса рядом. Тридцать вёсел, были расставлены вдоль бортов. Казалось, они вот-вот опустятся, оттолкнутся от замшелых камней и понесут корабль над землёй. Парус, скатанный на палубе, похожий на огромный ствол сказочного дерева, радостно взметнётся вверх, упруго вздуется на ветру и поднимет драккар как крылья птицу, повинуюсь только ветру и желанию полной свободы. Над кораблём чернел, похожий на огромные рыбы кости, каркас просторного навеса от непогоды. Недалеко горой лежали снятые с его крыши для просушки козьи шкуры. Цветущие крохотные подснежники и лёгкий пар дыхания стоящего рядом человека, говорили о том, что не настало ещё это время отправляться в дорогу, но оно уже близко.

Человек этот, высокий молодой мужчина, мощного телосложения, с рыжей бородой и усами, светлыми ресницами и зелёными глазами, уже долго смотрел на свой драккар, ощущая смешанное чувство гордости и печали. На нём была, несмотря на холод, одна простая кожаная чёрная рубаха, надетая поверх шёлковой с вышитым воротом, такие же кожаные штаны, обувь, похожая на закрытые римские калигулы. Корабль тоже, казалось, смотрела на человека, своего теперешнего хозяина, размышляя о своей трудной судьбе, вспоминая о бесконечных расстояниях уже пройденных, и тех, что ещё предстояло пройти. За драккаром стояли под крышами навесов два больших снеккера, а рядом лежали отличные дубовые доски, пригодные для строительства не менее двух драккаров, представляя собой настоящее сокровище. Дальше на берегу была видна кузница, сарай с инструментами и дровами, шерстью и пропиткой для парусов и канатов. Камни для спиралевидных рыбьих загонов были сложены везде вдоль воды кучами. Мостки причалов, сваи, торчащие из воды, развешенные сети и лежащие рядами лодки дополняли едва различимую ночную картину.

Ему сделалось зябко. Поёжившись, он тихо пропел пришедшие на ум строки одной странной песни, услышанной очень давно на торговом причале в Бирке:

На стёртых скамейках беззубые феи

К нам вывернут шеи, не чуя подвох.
И сразу заметят измятый подол,
Не распознав шёлковых складок.
К нам приближается время загадок
Когда распускается чертополох...
Зря ворожила хозяйка нечистой рукой –
Я объявляю тебя святой...

Мужчины как цветы и плоды – красивые, сильные, падают с дерева – народа, иногда массово погибая, иногда захватывая новое пространство, давая начало новому дереву, а женщины как ветки, с которых упали эти плоды, всегда остаются на дереве, увеличивая его крону...

Неожиданно из ночного серебряного воздуха, переплетённого над лесом с дымами очагов, раздался настороженный девичий голос:

– Вишена, это ты поёшь? Где ты? Тебя все давно уже ищут...

– Зачем ты пришла, Маргит? Увидят нас вместе наедине, не оберёшься хлопот! – отозвался Вишена, отвлекаясь от созерцания драккара.

Он пошёл на голос. Вдруг оглянулся. Ему почудилось, что в последний момент глаз деревянного дракона хитро сощурился, словно ядовитый змей Ёрмунганд подал таинственный знак, предрекая некие события в грядущем. Вишена поёжился, растёр озябшие пальцы. Одежда его была черна, как сажа, и ему удалось незаметно приблизиться к неподвижно стоящей женской фигуре. Ему было хорошо видно Маргит в белеющем шерстяном платье и козьей накидке с капюшоном. Подойдя к ней сзади тихо как рысь, он страшно прорычал:

– Попалась!

Девушка вздрогнула, но через мгновение узнала охватившие её руки и воскликнула:

– Я с тобой стану седой, как можно так пугать, злобный карлик-цверг!

– Разве цверги умеют так целовать? – рассмеялся он низким, грудным смехом, и стал целовать девушку в губы.

– Ты не ярл и не херсиср, а самый настоящий зловещий цверг, крадёшь младенцев и ешь их сырыми, скотину не моришь болезнями и посевами, и все твои воины из Скании и Ранрикийи тоже карлики, – шутливо проговорила девушка, пытаясь освободиться, – как ты можешь думать, что мой отец отдаст меня в жёны такому существу?

Вдруг Вишена странно затих, выпустил девушку из объятий, и уставился в темноту, сказав при этом:

– Чего в вашем Викхеле происходит снова? Люди с факелами бегают, наверное, опять ссора, как всегда бывает на хмельном пиру.

– Ярл Эймунд забрал оружие у твоих дружинников, и правильно сделал, а то вы такие гости, что непременно устроили бы в посёлке резню, – ответила Маргит, став вдруг серьёзной и отстраняясь от Вишены.

Но он грубо ухватил её за длинные струящиеся волосы, с восхищением чувствуя шёлковые пряди, и прошептал неожиданно нежно:

– Разве это правильно, убегать от меня?

– Сейчас, когда ярл Эймунд послал большую часть своих людей собирать дань с лесных жителей, вы очень опасны с вашими грабительскими замашками. Все помнят, что вы устроили в прошлую зимовку в своём Страйборге.

– Обидеть меня хочешь, Маргит? – Вишена намотал её волосы на кулак, и притянул к себе, стараясь не смотреть в глаза, – в Страйборг тогда неожиданно вернулся Эддли, убивший много лет назад своего брата, конунга Гердрика, отца мудрых Хельги и Тюры. Как мы могли спокойно смотреть, как этот наглый убийца сидит снова вместе с нами за столами, ест и пьёт?

– Ты просто ревновал его к дочерям Гердрика, потому что сам хотел жениться на одной из них, и стать ярлом в Страйборге. Поэтому ты и убил Эддли. Отпусти меня!

Девушка наступила ему на ногу, чтобы причинить боль, но слова оказались больнее. Вишена разочарованно оттолкнул её:

– Эддли нарушил закон, убил брата, его осудил общий тинг за убийство Гердрика, и за это он не смог бы просто откупиться вергельдом. На пиру он первый напал тогда на нас со своими наёмными пруссами, и мы тогда чудом спасли Страйборг от захвата и разграбления. А потом случилась эта история с жертвоприношением, когда Хельга обвинила меня в колдовстве...

– Тогда почему вас выгнали оттуда с позором в канун праздника Йоля, и вам пришлось убежать, униженно просить моего отца о возможности поставить здесь корабль на зиму, и самим перезимовать, вместо того, чтобы гордо захватить себе какой-нибудь городок? – холодно спросила Маргит, – вы упустили золотое время, когда боги спускаются на землю, тролли и эльфы приходят в дома, мёртвые выходят из Нижнего мира, когда можно стать всадником Дикой Охоты – наездником Асгарда или вервольфом. Вместо этого вы бегали весь праздник из-за ссоры и вынуждены теперь зимовать у нас в крошечном Викхейле.

– Я уже тебе всё рассказал. В одле конунга Гердрика после его смерти от рук предателя Эддли, несколько лет был страшный неурожай, и все люди стали обвинять племянника Хринга, правившего землями семьи, в несчастливом характере. Все хозяева хуторов сговорились убить его, чтобы прекратить неурожай, и его кровью окропить изваяние Одина. Я вступился за него, но напрасно. Они успели обезглавить его пред идиолом Одином. Но это их дело. А мне пришлось покинуть Страйборг после злословий Хельги.

В обычные, сытые годы страной правят богачи, их холуи и беспринципные мерзавцы всех мастей, а во времена смертельной опасности для народа, во главе страны становятся честные, мужественные лидеры, которых после победы, после того, как миновала пора смертельных испытаний, убивают, изгоняют или избавляется от них каким-то другим способом, и должно быть по-другому, но сколько бы не повторялась история, всегда так и происходит.

– Что-то очень запутано... – сказала Маргит с легкомысленной интонацией в голосе.

– Просто так получилось, – ответил ей Вишена, – любая несправедливость приходит к людям сама по себе как неожиданная распутица, жара или морозы, а любая, даже малая справедливость не даётся даром, она всегда даётся с трудом, за неё всегда приходится бороться.

– Просто ты зря вмешался в их дела, ну что тебе сдалась эта семья Гердрика, то ты золото его дочерям вернул просто так, то за Хринга вступился. Ты какой-то дурачок, как тебя ещё твои воины терпят, – сказала Маргит, улыбаясь.

– Зачем ты терзаешь меня? Клянусь Фрейром, я не заслужил таких насмешек. Я не смог бы жениться на Хельге или Тюре, а их отцу Гердрику я клялся служить до смерти, и когда он погиб, я отомстил за него, верный клятве. Я не веду свой род от Одина, я пришёл когда-то из земли голяди, из Тёмной земли голядской с реки Москвы. Я не по своей воле стал конунгом, чей дом – ладья, а судьба – ежегодные опасные вики за морями и далям. Просто дружина конунга Гердрика решила идти за мной в опасные вики, дальние походы, потому что в их одлях уже не осталось свободной земли для посевов и выпаса скота. У других была кровная месть, кому-то грозило рабство за долги, тем более, что многие уже много лет не брались за мирный труд!

– Такие напыщенные речи! – сказала девушка, – тебя выбрали конунгом за длинный язык!

– Я устал всё время это всем рассказывать, но повторю ещё раз... Просто несколько лет назад нашего славного конунга Гердрика из Страйборга, в дружине которого мы были с Эйнарром, подло убил его брат Эддли. А мы вдвоём с Эйнарром не смирились с этим, и с добычей дружины от последнего похода на бриттов, убежали страну Гардарика. Там мы поклялись Одину передать золото дочерям нашего бывшего конунга, Хельге и Тюре. Вся дружина искала нас по

лесной стране, нашла, и потом в поединке с Гутбранном я доказал свою правоту, и что боги на моей стороне. Золото мы вернули дочерям Гердрика, а Эддли убежал в Бирку. Так дружина выбрала меня конунгом – за верность клятве и удачу в бою, а дочери Гердрика подарили мне его корабль в знак благодарности.

Вишена тяжело вздохнул и пошёл в сторону низкого строения из вертикально вкопанных брёвен, крытого сосновой дранью, где располагались кузница и хранились запасы железа и угля, а теперь временно жила его дружина. Горн был всё ещё тёплый, и в нём тлели угли. Он вошёл внутрь через низкий проём двери, слыша, как шуршит сухая хвоя и лёд под ногами Маргит.

В бликах горна, дом живо играл тенями, словно не влюблённые оказались тут, а десяток воинов вернулись с пира. Вишена поднял одну из лавок, пододвинул её горну и сел. Маргит робко подошла к нему, села рядом, обняла, и прижалась щекой к его груди.

– Прости меня, злая, я знаю... – сказала она примирительно, – просто я ревную тебя ко всем женщинам вокруг, к своим сёстрам, дочерям и жёнам наших людей, к рабыням...

Вишена не отвечал ей и Маргит печально продолжила:

– Мне кажется, что если ты уйдёшь отсюда, то больше никогда не вернёшься. Меня выдадут замуж за противного Гакона, и я умру во время родов. Или меня украдут даны, сделают наложницей или рабыней.

– Не украдут, братья тебя защитят, они бешенные у тебя.

– Давай поговорим с моим отцом, пусть на весеннем празднике предков твои друзья договорятся о помолвке, – она положила тонкие пальцы на его мощную шею, и заглянула в глаза.

Вишена ответил ей, не мигая, глядя в каменное кольцо очага, где медленно умирал огонь:

– У меня ничего нет, кроме корабля и воинов, верящих в мою удачу. Золото Гердрика я вернул его дочерям. Маргит, твой отец никогда не отдаст тебя бедному херсиру. Понимаешь?

– Главное, у тебя есть корабль и дружина, значит, у тебя будет и богатство, и своё королевство. Неужели ты всё-таки бросишь меня здесь? – говоря это, девушка сжала на груди разноцветные бусы, и зажмурилась, – ты подарил мне эти византийские стекляшки, и сказал, что каждую ночь думаешь обо мне. Любой викинг знает, что нужно платить выкуп за невесту, ты про него не подумал разве сразу?

– Я думал и про свадебный подарок, и про то, что свадьба не должна быть короче трёх дней, чтобы не стать жалкой, про подношения богине Вар при свидетельстве обета, Фрейру и Фрейе, для сохранения любви, золотого или серебряного изображения Молота-Мьельнира на твоём подоле, чтобы Тор благословил нас, – с горячностью в голосе ответил Вишена, – но моя сума пока пуста, и мне не на что рассчитывать.

– Один старый скальд сказал, что один человек, когда был юношей, думал, что женщины охотно встречаются с ним потому что он красив и молод, а когда он был стар, он думал, что женщины охотно встречаются с ним потому что он богат, вот так он и умер, не поняв, что женщины любили его потому, что он достойный, благородный человек, – сказала Маргит, – как жаль, что мир так не справедливо устроен!

– Так хотят боги!

– Ты ещё волка Фенрира вспомни, проглотившего Луну, и придумай ещё какие-нибудь способы для увёрток, – с досадой в голосе сказала девушка, – сейчас я тебя здесь свяжу и сяду рядом, и пусть все твои воины вернуться с пира, и застанут нас вдвоём. Отпусти! И врешь и изворачиваешься так же. Пусть, пусть все вернуться и застанут нас тут, если отец и братья тебя за это не убьют, то согласятся на свадьбу.

– Я не волк Фенрир, не Ван-кровосмеситель. Я чту обычаи и уважаю предоставленный нам кров, под которым нахожусь. Ты нравишься до безумия, этого не скрыть даже на людях, а мой Эйнар шутит, что я привязан к подолу, и больше меня не отпустят в поход женщины, –

Вишена улыбнулся, и погладил девушку по щеке обратной стороной огромной ладони, – скоро все вернутся с пира, и мы ничего не успеем, оставь разговоры, дай мне насытиться нашей любовью перед расставанием, а то откажусь быть викингом, а стану разводить коров, и продавать их в Бирке в заливе Меларене, как делают там старые конунги.

– Представляю тебя вместе с Эйнармом на пашне, разбрасывающим семена пшеницы, – сказала Маргит со смехом, но глаза её выражали теперь тревогу.

Она на мгновение застыла, глядя в пространство, потом расхохоталась и уткнулась горячим лбом в его щеку. Вишена понял, что он теперь плачет. Он почувствовал, как в его груди разрастается пустота, а его сердце вот-вот сорвётся в пропасть от мрачных предчувствий. Он закрыл глаза и увидел в своём воображении, как скалы фиорда начинают дробиться, океанский горизонт заворачивается сухим листом в небо, а само небо стремительно приближается. Звёзды холодными каплями проносятся мимо сквозь него и сквозь Маргит. Горячие клубки огня всё переворачивают внутри, а великие боги, вышедшие из-за стен Асгарда, стоят неподвижно, и ждут их смерти. Видения промчались, он открыл глаза и проговорил:

– Не плачь, будет у нас и помолвка и свадьба. Я найду богатый край, и вернусь оттуда с несметным богатством...

Много раз они возвращались за последний месяц к этому разговору. Их отношения пришли в замешательство, ведь чем больше мы упрекаем любимых людей в чём-то существенном, тем большим несовершенством мы их признаём, а если не упрекаем, то признаём их не способными для изменений к лучшему.

Наконец Маргит перестала плакать и тихо сказала:

– Я буду молиться за тебя Одину.

Огонь погас окончательно. Потрескивали остывающие камни, в клетях снаружи перебирали крыльями куры, какой-то зверь, то ли россомаха, то ли лис, осторожно ходил неподалёку. Два раза гукнул филин, неподалёку упали сухие ветки, потом всё стихло. Шум реки сделался отчётливей.

– Завтра утром я отправляюсь на охоту и убью красивого оленя в горах, принесу его в подарок твоему отцу, и поговорю с ним о помолвке, – тихо сказал Вишена, – пусть скажет открыто, что он думает про это.

– Хорошо, я ухожу, и буду ждать завтрашнего дня, и молить богов, – сказала Маргит, освобождаясь из его объятий, – прощай...

Она быстро поцеловала его в губы, выскользнула наружу и исчезла в темноте.

Вишена ещё долго глядел ей вслед через распахнутую дверь. Потом он подошёл к грудке хвороста, взял и отнёс его за кузнечный горн, туда, где на полу был выложен очаг. Сложив хворост в виде островерхой крыши, он положил внутрь кусочек сухого мха и несколькими ударами кремня и железный брусок, зажгёт очаг. Потом он подбросил ещё несколько хворостин, с треском переломив их об колено, Огонь весело разгорелся, а дым начал улетать в отверстие в крыше. Вишена потрянул головой, словно сбрасывая оцепенение, размышляя о том, что его чувства к Маргит делают его и сильнее, и слабее одновременно, и главное теперь для него – сделать так, чтобы сильные стороны любви использовать, а слабые стороны постараться скрыть и принизить их власть. Вязкая дрёма обволокла его тело, и он начал засыпать...

Если бы люди были богами, они были бы вольны в выборе своих мыслей и поступков. Только божественное способно на свободу воли. Это только кажется, что нет ничего проще, чем выбрать себе мысли или решить, совершать тот или иной поступок. На самом деле поступки совершает не сам человек, а его представление о том, что следует совершить. Он всего лишь носитель этого представления, эфемерного, но имеющего абсолютную власть над полу звериной человекоподобной оболочкой. Представление человека о мире и о себе берётся не из космической пустоты, не из неизвестного пространства, она формируется из его окружения: нравов и обычаев, взглядов и обычаев его родителей, родственников, иноплеменников

и людей вообще. Даже поведение животных, птиц и рыб служат ему примером, потому что живая его природная оболочка не может не чувствовать глубокую связь со всем живым. Страх смерти и увечий, голод, тяга к женщине, стремление защитить детей и накормить их, любопытство, ленивое стремление к усовершенствованиям для сокращения своих повседневных усилий, являются маяками среди желаний и мечтаний, теми берегами отгалкивающими или манящими к себе.

Между сознанием и не сознанием человека, имеющем в себе представления об этих берегах всегда имеются магнитные стрелки, показывающие на них, что бы ни происходило вокруг, какие бы штормы и бури повседневности и дел не бушевали вокруг, какие невероятные события не происходили. В действительности же происходящее своими разными проявлениями только определяют способы неумолимого движения между берегами, приёмы уклонения от опасностей и захвата ценного. Даже когда человек не может понять силу, ведущую его через ступени жизненной лестницы.

Двигаясь по тропе бытия через мосты решений, он содержит в себе всё, что нужно для трудного пути. А в пути получается так, как получается, ибо обстоятельства могут складываться как в одну, благоприятную, так и в другую, неблагоприятную сторону. Человеку кажется, что это судьба или буддийская карма, божественная рука или везение, а на самом деле он сам действует внутри обстоятельств, своих представлений о правильном, а исход зависит чаще всего от случайностей. Таким образом поступки совершает как бы ролевая сущность человека, зависящая от его знатности, богатства, умений, возраста, пола и здоровья. Зная кто перед тобой, можно с лёгкостью и почти абсолютной точностью предугадать его поступки в тех или иных условиях. Вор украдёт, блудница будет искать возможности продаться, трезвенник откажется от пива, король поработит слабого правителя, мудрец будет искать смысл вещей, и так далее.

Когда сущности людские собираются в сообщества, отряды и семьи, они начинают мыслить вместе, неуловимо соотнося свои возросшие возможности и потребности с окружающим миром. И что бы ни говорили отдельные личности, все вместе они тоже подчиняются неосознанному закону, диктуемому уже сверх представлений о правильном и ложном.

Начиная это повествование о временах, лежащих в далёком прошлом, страшном своим небытием сейчас, но притягивающим своей сбывшейся очевидностью, можно увидеть все поступки настоящих людей в реальной жизни, стоит только представить действительность. Множество возможных вариантов прошлого так же велико, как и множество возможностей будущего, Основные вещи и события, вроде угасания Солнца, или угасания народа из-за оскудения пашен, изменить нельзя, как в прошлом, так и в будущем, но между глобальными событиями, множество возможных взаимосвязей выстраиваются в бесконечные варианты, и на каждом шаге видишь, как поворачивает дорога событий на очередной многоуровневой развилке. Так же и люди о которых идёт сейчас речь. Они обычные для своего времени, и мысли их обычные, как обычны мысли наши сейчас. Но если бы они на мгновение поменялись местами, то столько чудес и неожиданностей они принесли, что стали бы причиной записать и читать как книгу. Во многом именно этому приёму и следует рассказчик обычно с древних пор: помещает себя туда, где ему становится видно то, чего не видят современники, слышит то, чего им не дано. Однако, следует вернуться обратно в Сканию первой трети седьмого века нашей эры, скалистую, холодную и скудную, как и сейчас, и продолжить повествование о героях событий...

Вдруг до слуха чутко спящего Вишены долетел гулкий звук трубящего над фьордом рога. Оно прокатилось и исчезло гулкое эхо. Наверное, по фьорду шёл чужой корабль. Чуть погодя, снаружи послышались быстрые шаги, и в проёме двери кузницы показалось широкое лицо человека со взлохмаченной чёрной бородой. Его курносый нос был красным от хмеля. Круглые глаза с трудом нашли в полумраке Вишenu, и глухой голос, злорадно, как могут себе позволить говорить только близкие друзья, произнёс:

– Вот ты где, лодырь! Тебя все ищут!

Говоривший, вошёл внутрь, матово блестя стальными кольцами длинной кольчуги, золотым браслетом-змейкой и кольцами почти на всех пальцах.

– Ты чего, Эйнар, в кольчуге-то, на битву собрался со свиньями и курами, или перед женщинами похвастаться? И что это, почему люди ярла Эймунда нам вернули оружие? – Вишена удивился так, словно перед ним появился оживший камень или настоящий гном.

– Да, ярл Эймунд велел вернуть всем нашим викингам оружие, потому что опасается нападения, а кольчуга моя мне сейчас не для красоты! – ответил на это викинг.

Глава вторая. Снеккер с востока

Вошедший викинг подозрительно огляделся и сказал после этого:

– По фьорду идёт корабль, все думают, что это эсты или пруссы. Ярл Эймунд открыл свою оружейную, и раздал наше оружие, – с этими словами он протянул Вишене меч в красивых кожаных ножнах.

– Ясно, Эйнар, может быть это викинги с востока. А где все наши? – Вишена поднялся во весь рост, вытянул меч из ножен, осмотрел клинок.

– На берегу.

– Ты видел её?

– Кого? – Эйнар огляделся, сильно шатаясь от хмеля, ожидая увидеть Маргит.

– Она хорошая девушка, но очень капризная, и плачет всё время. Может, она станет другой, когда я женюсь на ней?

– Ярл Эймунд зол, что ты рано ушёл с пира, а его сыновья обещает убить тебя, если застанет вас вместе с их сестрой, – говоря это, Эйнар дошёл до бочки, стоящей рядом с горном, взялся за её край и нырнул туда головой.

Распрямившись, он выглядел уже заметно посвежевшим. С него ручьями лилась вода. Фыркая и утирая бороду ладонью, он хрипло засмеялся, глядя на сосредоточенное лицо друга:

– У тебя в голове мухи. В фьорде чужой корабль, на тебе висит обвинение в нарушении обычаев помолвки и свадьбы, а это, знаешь, после убийства второе самое страшное преступление. Ты что, действительно возьмёшь её замуж? Ты ведь сделаешь её несчастной. Тебя завтра убьют, или ты уйдёшь в дальний поход на три года, и сгинешь в шторме. Что она будет делать?

Вишена вздрогнул, и встряхнул кудрявой головой:

– Так, где все?

– У Рыбьего камня все, только нет Гельмольда и Ингвара, потому, что они не стоят на ногах после медовухи, что сварила Сельма. Их туда вывел Эймунд, – сказал Эйнар, набрасывая поверх кольчуги накидку из медвежьей шкуры.

– Пошли туда быстрее, – сказал решительно Вишена, – посмотрим, что это за эсты.

Они вышли в ночь, и быстро двинулись вдоль кромки воды, к тому месту, где в фьорд вдавался узкий мыс, сложенный природой из огромных обломков скал.

Распространяя запах браги и чеснока, Эйнар шумно сопел, недовольный тем, что ноги не слушаются его. Перебираясь через поваленный ствол, обросший мхом, он поскользнулся и с шумом упал на камни, брэнча кольчугой.

– Проклятьё! – выругался Эйнар, с трудом, неуклюже поднялся и принялся бормотать, – мы сидели за столами и слушали сагу о походе Одина. Скальд Эймунда, складно её пел. Служанка Сельма положила на меня глаз, и тут вбегает Сигвар и кричит, что в фьорде корабль чужаков. Что им тут надо в этом богами забытом месте? Не дали сагу дослушать...

Только на первый взгляд кажется, что все люди одинаково думают о своей жизни, как о способе удовлетворить свои животные страсти и желания. Кто-то спрашивает при этом о смысле этого насыщения, кто-то поступает так, как ему подсказывает рассудок или внешний советчик. Большая часть людей вообще просто следует принятым правилами и воззрениям, слепо поддаваясь примеру сильных и успешных, двигаются к тем целям и теми дорогами, что кажутся большинству верными. Однако, стоит лишь немного изменить логику определения целей, и все дороги, оказывается, ведут не туда, порой в тупик или пропасть, а все идущие по ним уподобляются слепцам, бессмысленно тратящим бесценный дар единственной жизни. Нужно ли говорить, что целеуказание порой более важно, чем способность достичь цели. Будь жизнь человеческая многократно повторяемая, с многократно повторяемой молодостью, что лучше жизни в бесконечно старом и дряхлом теле, можно было довериться инстинкту толпы

и идти сначала туда, куда идут все, а если не получится, или не устроит результат, вернуться и идти другой дорогой. И так до бесконечности, пока её будет достигнут нужный результат. Пройти сначала те направления, куда идут все, потом не все, а затем и вовсе своей особой и уникальной дорогой. Там, куда идёт большинство, ждёт жизнь известная, желанная своими благами, признанными всеми за такие блага. И в этом нет ничего странного: солнечное тепло и свет, обильную пищу и безопасность ещё никто в здравом уме не порочил как не нужное. Ирония заключается в том, что для того, чтобы привлечь безусловно всех, обратная сторона, тёмная часть ослепительно-царственного мира скрывается всеми людьми: и теми, кто достиг, чтобы не показаться неудачниками, и теми, кто идёт, чтобы не свернуть с полдороги не потерять уже пройденное с великим трудом и унижениями. Говорить правду – это роскошь и привилегия немногих. Если бы тёмная сторона общепринятого успеха была широко представлена, то поиск других способов использования времени жизни стал бы востребован.

Никто не говорит, что в пустынях, куда отваживаются отправиться одиночки, по разным причинам отказавшись от проторенной дороги, будет найдено именно то, что сделает жизнь для всех более осознанной, гармоничной и великой. Однако именно поиск общественной гармонии, равновесия, является способом существования природы и человека как части её. Баланс телесного и духовного, смысла и практики достижений должен лежать в основе всего, а пока это не является распространённой практикой, одиночки отправляются в трудный путь, уравнивая собой всех остальных, жертвуя успокоенностью буден, уверенностью в своей правильности и достижимости результата. Они смущают остальных, будоражат своими вопросами и примерами, но именно такие как они открыли и существующие общепризнанные дороги, и именно на их пути возможны прорывы к смыслам и просторам, так необходимым всем.

Так же и книжник Рагдай, смущая умы правителей, имеющий вполне устоявшиеся взгляды на то, что хорошо, а что плохо, ради чего стоит рисковать жизнью и властью, и насколько риск соответствует добыче. Легковерно поверив в легенду о существовании Золотой Лоции, появившуюся с небес чудесным образом, он отрубил всю свою жизнь, совсем неплохую, хотя переписывание книг и свитков не приносило богатства, но и позволяло не заниматься тяжёлым крестьянским трудом, приводящей к ранней старости, и не промышлять разбоем, рискуя погибнуть или получить увечья. Жажда узнать, что же это такое, отправило его в поход на кипящий из-за войн, мора и голода запад, и дало силу убеждения увлечь с собой и других. Такие походы маленьких отрядов на край земли не то, что нашествие полчищ народов-кочевников, словно пожар пожирающий лес, это скорее уголёк, заброшенный в снежное поле, и отвага, отчаяние, жадность, вера только и могли спасти их.

Вишена молчал и быстро двигался среди камней, сучьев и деревьев, прибитых водой к берегу. Он уже разглядел вдалеке небольшой корабль, похожий на снеккер, медленно выходящий из-за поворота, и несколько десятков воинов на берегу. Чёрный силуэт корабля, идущего ночью под парусом, как раз достиг лунной дорожки, в том месте, где отражённое от воды серебро обрывалось тенью от утёсов. Снова зазвучал рог. На ладье заметили блеск стали у Рыбьего камня, подали сигнал и начали поворачивать туда.

Вскоре Вишена и Эйнар оказались среди своих соратников, и воинов ярла Эймунд. Сам вождь стоял как воплощение спокойствия и уверенности – в крылатом шлеме, с длинной седой бородой, заплетённой косой. Он приветствовал пришедших поднятием ладони, тяжёлой от золотых перстней. Со стороны корабля было слышно, как кормчий даёт счёт гребцам, и вёсла с задумчивым плеском нестройно врезаются в воду. Вишена оглядел строй своих воинов, облачённых, кто в кожаные панцири, кто в пластинчатую броню, кто в кольчуги, вооружённых луками, копьями, мечами и топорами, с круглыми, окованными железом щитами. Эймунд вопросительно посмотрел вокруг, и спросил:

– Что, так и будем стоять? Трубите в рог, пусть знают, что мы настроены биться с незваными гостями.

Один из воинов ярла поднёс к губам рог и, что было силы, стал в него дуть. Рог со второй попытки громко запел, гневно и предостерегающе. Когда звук закончил носиться между берегами над водой и под звёздным небом, звонкий голос за спиной Вишены сказал:

– Они идут как посланцы Хеля на корабле мертвецов Нагльфар. А кормчий у них бог Локи, отец волка и змея Ёрмунганда.

– Волк Фенрир проглотил солнц, и оно не взойдёт, а войска сынов Муспеллы скачут по мосту Биврест, и великан Сурт приближается с юг с мечом, который ярче Солнца. А мы как легендарные асы Один и Тор! Как думаешь, Овар?

– Слишком сказочно говорите. Это действует хмельная медовая брага, друг Свенельд, – сказал Овар, широкоплечий старший воин с огромными кулаками, снисходительно посмотрев на стройного Свенельда, – кто бы там ни был в этом снеккере, мы их не приглашали.

– Может быть это не враги, – задумчиво сказал Вишена, – но разомкните ряды, если они неожиданно начнут пускать стрелы и держите щиты на своей груди.

Воины встали пошире и подняли щиты, а лучники вложили стрелы в луки. Тем временем на ладье втянули в отверстия бортов часть лёгких сосновых вёсел, и начали опускать рею с парусом. Послышался всплеск воды от падения камня, утягивающего ко дну проверочный лить. Кто-то крикнул, растягивая слова на прусский манер:

– Глубина тридцать локтей, но могут быть камни. Ильсер, двигайся прямо на воинов на берегу. Клянусь Перуном, они защищают место, где можно безопасно подойти к их берегу.

На снеккере теперь убрали все вёсла, и корабль двигался только по инерции, быстро теряя скорость.

– Я ярл Эймунд, со мной мой брат Хенрик и Вишена Стреблянин со своей дружиной, – прокричал ярл Эймунд, – а вы кто такие?

– Я Йёран, брат Донкрада с Западной Двины. Со мной Рагдай из Тёмной земли конунга Стовова, он ищет конунга Вишену, – послышалось в ответ и стоящий на носу корабля человек поднял щит, и показал его внутреннюю белую часть, сигнализируя о мирных намерениях.

– Это что? – спросил ярл Эймунд, выжидающе глядя на изумлённого Вишену, – они показывают знак переговоров?

– Боя не будет, – с обидой в голосе сказал Овар, – и я не захвачу золото и оружие врага, а так было хорошо, сами в руки приплыли!

– Вызови любого прусса на поединок, это у них тоже не считается убийством, – отозвался Эйнар, напоминающий сейчас медведя на задних лапах.

Вишена глубоко вдохнул влажный, холодный воздух, потрогал лоб, что-то вспоминая, и сказал ярлу:

– Рагдай и Ацур помогли мне вернуть дочерям Гердрика его золото.

– Это был правильный поступок, – сказал ярл Эймунда, в его осанке исчезло величие, он снова стал утомлённым жизнью стариком и добавил, – друг моего гостя – мой гость. Крикните им, чтоб обходили камни справа. Клянусь Фригг, за гостей придётся сегодня ещё не раз наполнить кубки!

Воины на берегу одобрительно зашумели. Других, огорчённых отсутствием боя, кроме Овара, не было. Пока один из людей ярла Эймунда руководил действиями корабля, а дружинники Вишены, сняв шлемы, шли обратно в большой дом, заканчивать пир, снеккер ударился в брег. Пруссы бросили в воду каменный якорь.

Потом они положили с борта на камни доску, и по ней сошёл на берег коренастый, заросший до глаз бородой Йёран, и высокий человек в просторном плаще их шерстяной ткани, с длинным безбородым лицом, умными, внимательными глазами. Его коротко стриженные

волосы тёмного цвета имели седые пряди. На широком и высоком лбу и между бровями виднелись морщины. Он сразу нашёл взглядом Вишену, подошёл к нему и сказал по-славянски:

– Мы снова встретились, Вишена, и я рад, что ты жив и бодр.

– Я сильно удивлён твоему появлению, книжник Рагдай, да хранят тебя боги, – ответил Вишена, всматриваясь в лицо кудесника, – ты сильно постарел за год. Что, были причины?

– Много пришлось путешествовать из-за одного важного дела.

– Расскажешь?

– Потом...

На берег тем временем перешёл молодой мужчина с выбритым на римский манер лицом, с мрачным взглядом, в меховой накидке поверх шерстяной рубахи. У него в руках были кожаные мешки с чем-то тяжёлым. Вишена узнал в нём Крепа, слугу Рагдая.

– И ты тут, Креп, всё ещё служишь своему господину? – спросил у него из-за спины Вишены подошедший Эйнар.

– Я Рагдаю скорее не слуга, а ученик, а он мне учитель, – ответил спокойно Креп, – я рад снова видеть вас, мы прошли несколько фьордов и множество поселений, пытаюсь вас отыскать.

– А чего в мешках? – с любопытством спросил Эйнар, – вы из-за этого нас искали?

– Книги, переписанные нами для продажи, есть 'Антология' Иоанна Стобея, сочинения Квинта Аврелия Симмаха – последнего римлянина, поэзия Иоанна Газского, – ответил Креп, – на пергаменте писаны, хорошие переплёты.

– Это ярл Эймунд будет книги покупать? – удивился Вишена, – у него, как только увидит латинские или греческие буквы, сразу руки чешутся их в огонь бросить, во имя Локи-сказителя.

– Если я иногда сражаюсь с римлянами и не умею читать, то что, по-твоему, и мои внуки не смогут читать и быть учёными людьми? – уловив смысл сказанного по-славянски, проговорил ярл Эймунд, – я бы поэтов купил, скальды всегда будут в цене.

После этого ярл Эймунд передал Йёрану пучок стрел, а Йёран передал хозяину берега медный котелок, начищенный до блеска. Подарок ярлу понравился. Он послал своего младшего сына Ладри, всё время путающегося под ногами, обратно в селение. Мальчик, наверное, десяти лет отроду, маленький и худой, но жилистый и вёрткий, со всех ног бросился бежать. Он должен был передать указание отца готовить баню, снова жарить мясо и принести в дом ярла ещё скамьи и столы. Прусы тем временем принялись выгружать на берег свои вещи, сундуки и корзины, кое-какие товары на продажу – соль, янтарь и сало. Процессия во главе с ярлом Эймундом и Йораном, потянувшись в сторону селения. Рагдай с Вишеной шли вместе. Эйнар вызвался помочь Крепу нести книги.

– Скажи, Креп, что там у вас в Тёмной земле теперь, после нашего ухода? – спросил Эйнар, – всё тихо-мирно?

– Князь Каменной Ладogi Стовов Багрянородец жив, гордится своим византийским прозвищем и обещает захватить всю землю голяди и мокоши вокруг Москвы-реки, Оки, Протвы и Ламы. И стрелянские старейшины Оря и Претич живы. А эрзи и мешера по-прежнему кормят дружину бурундеев в Эрзени, чтоб они их защищали от других степняков. Их город Дорогобуж, посреди земель мокоши, стоит на прежнем месте, а город-Стовград на Нерли хотя и сгорел, но опять построен, и берёт дань с купцов.

– Так зачем вы здесь? Это же далеко плыть, через Волхов порожистый, Ладогу буйную.

– Он всё скажет лучше, – ответил Креп, кивая на Рагдая, – история, похожая на историю дев Рейна, топивших корабли, если там было золото.

Глаза Эйнара округлились:

– С золотом Рейна всё плохо. Сигурд, сын Одина, убил дракона, спрятал его на средних порогах реки. Колдун Регин, выкормивший Сигурда и сделавший ему меч Грам, способный

рассечь наковальню, помог ему превратить кровь дракона в золото. Если унести это золото от Рейна, оно становится снова кровью дракона и сжигает вора.

Пока они переговаривались, забрезжил рассвет. В серых сумерках Викхейль был наполнен дымом костров, пением петухов, суетой подготовки к продолжению пира. Посёлок состоял из трёх десятков больших домов из вертикально вкопанных громадных брёвен, с наружной засыпкой из камней, глины и мха. Издалека они казались огромными кораблями из земли, лежащими кверху килем. Весь посёлок был окружён ровом и насыпью с частоколом. Колья частокола были срублены так, что на них оставались части заострённых ветвей. Переплетаясь между собой, эти ветви, создавали препятствие, крайне сложное для преодоления. В воде недалеко от пристани, вдоль линии берега и на некотором удалении от него тоже были вбиты брёвна в дно на таком расстоянии друг от друга, что между ними могла пройти только небольшая лодка. Брёвна немного поднимались на уровне воды в прилив, а сейчас, в отлив, торчали довольно высоко. Проход для кораблей был один и мог быть закрыт цепью, поплавокками из брёвен или заперт другим кораблём. Единственный сухопутный вход в посёлок был сделан в земляном вале, укреплен бревенчатой стеной и перекрыт сверху площадкой, на которой стоял бревенчатый сруб, образующий надвратную башню с воротами и мостом через наружный ров. Оттуда бревенчатое мостовое покрытие над ямами, канавами и ухабами вело на площадь, где возвышался на холме из камней огромный и длинный дом ярла с красивым резным крыльцом. По бокам и вдоль улицы и боковых переулков стояли дома попроще. Деревянные, обмазанные глиной или обложены камнем и землёй с мохом. Все крыши были сделаны многослойными из нескольких слоёв досок и берёзовой коры между слоями внахлест для стекания воды. Сверху на многих крышах была уложена ещё и земля для тепла, поросшая мхом. Везде лежали горы дров и сена, стояли бочки, корзины, в загонах бродили козы, овцы и куры. Между жердин мостовых блестела грязь и лёд. Напротив дома ярла находился алтарь Одина рядом с огромным дубом. Судя по размерам священного дерева, оно росло здесь задолго до того, как появились первые дома. Тут же располагалась оружейная, чуть подалее стояла курящаяся баня и хранящие зерна, добра ярла и всего его одаля. Чуть в стороне виднелась кузница, хлев, загон для лошадей, сторожевая вышка с воином, глядящим через верхушки деревьев на фьорд. Везде на площади на разжиженной сыростью земле, были аккуратно уложены бревенчатые и дощатые настилы, перед входом в дом ярла и оружейную, они заменялись плоскими камнями или крупным каменным боем.

После сытной и хмельной трапезы пруссов, воинов ярлов Эймунда и Вишены, разморённых баней, звуками струн гуслей, вниманием женщин, отправили спать. Йёран, Рагдай, Вишена, остались у ярла Эймунд.

Шипели, падая в огонь очага капли жира с ягнёнка. Эйнар медленно поворачивал вертел с этим драгоценным из-за восточных пряностей праздничным жарким. Потрескивали дрова и факелы. На вертикальных брёвнах стен застыли тени. Два ряда столбов, поддерживающих крышу, образовывали зал, где стояли длинные столы и скамьи. Между столбами и стенами были сооружены полати, где сейчас спали несколько дружинников ярла, сидел приглашённый из соседней деревни скальд и несколько служанок. Скальд тихо играл на гуслях незамысловатую мелодию, а Рагдай протяжно произносил слова, вёл повествование по-норманнски. Йёран и ярл Эймунд сонно кивали, степенный Овар в задумчивости расчёсывал бороду, Маргит смущённо сидела рядом с Вишеной и смотрела в стол, и только Вишена внимательно слушал рассказ. На дворе слышалось металлическое побрякивание и тихие голоса:

– Подожди со своей просьбой, ярл слушает сагу гостя.

– Хорошо, вернусь днём.

Рагдай неторопливо пел:

– Победив в войне, властелин восточной Поднебесной империи, не смог управлять страной. Он болел и быстро старел. Его старшие сыновья жили рядом с отцом, сладко ели и вволю

спали. Не забывали увеличивать поборы в казну. И очень не любили своего младшего брата, который жил вдали от столицы, среди простых воинов. Люди уважали того за отвагу и ум, а братья... братья много раз хотели отравить.

На одном из пиров во дворце ему подсыпали особенно много яда. Он после этого долго болел, но не умер, а лишь укрепился духом... Тогда братья упростили императора ещё раз призвать к себе младшего сына, желая окончательно расправиться с соперником. Соратники отговаривали от поездки, но он не посмел послушаться отца. И вот со своим другом воеводой и воинами приехал в крепость. Не говоря ни слова, старший брат пустил стрелу из лука, но промахнулся. А средний не успел выстрелить. Воевода с быстротой молнии поразил его копьём. После этого крепость оказалась во власти младшего сына и старик император, выслушав рассказ о заговоре братьев, назначил его наследником. Через два месяца тот стал новым императором Поднебесной империи и принял имя Тайцзун...

Глава третья. Золото последнего императора династии Суй

– Новому императору Поднебесной империи досталось плохое наследство. Страна Китай была разорена. Много народу умерло от голода и войны. Кочевники тюркуты не давали никому покоя. Тайцзуну нужны были союзники и... Золото. Но, как и его отец, властелин Поднебесной Империи не мог разыскать сокровища прежней династии Суй. Сокровища исчезли после убийства императора Ян-ди. Когда стало известно, что мятежный воевода Лян Ши Ду, заседавший в крепости Шофан, расплачивается с воинами бронзовыми монетами Ян-ди, новый император собрал войско и пошёл на Шофан и осадил его. Шофан сдался, а соратники воеводы принесли императору его отрезанную голову и были прощены, но золота предков в крепости не оказалось. В погоне за ускользнувшим опять богатством, император двинулся в земли тюркутов, разоряя кочевья и уничтожая города, но золота по-прежнему не было. Тогда Тайцзун объявил большую награду за каждого выданного сторонника Суй, скрывающегося в кочевьях или оазисах. После этого ему привели столько беглецов, сколько есть иголок на ели. Их всех жестоко пытали, а потом закопали живых в землю. Наконец, на восточных предгорьях Тянь Шаня, золото Суй было найдено и перевезено в самый большой город построенный сегодня людьми – Чанань, откуда начинается великий Шёлковый путь в Европу через всю Азию и куда отовсюду для отправки свозятся товары. В Поднебесной империи настал долгожданный мир и процветание, – закончив напевать Рагдай вздохнул, словно гора свалилась с его плеч.

Скальд ещё некоторое время перебирал струны, постепенно затихая, словно убаюкивая мелодию и диковинный рассказ чужеземца.

– Хорошая сага про счастье и богатство, – сказал ярл Эймунд, – только имена режут слух как лай собаки, но там столько богатства в этой Серинде, или, как там, в Китае...

– Счастье – это отсутствие боли телесной и душевной, – сказал Рагдай, – есть на востоке такая религия, которая так считает – Буддизм.

– Счастье – это золото, женщины и громкая слава! – с чувством абсолютной правоты сказал ярл.

– С востока везут шёлк, его продают в Константинополе по весу золота, вот бы заняться торговлей шёлком без сирийских и армянских посредников, – проговорил мечтательно Йёран, вставая чтобы размять ноги, – одежда из шёлка не стирается от времени, паразиты в нём не заводятся, он удобен и прохладен в жару, не то что шерсть. Это самый желанный сейчас товар у богатых людей. Вот бы найти способ плыть туда, в Поднебесную, а не идти с караванами по пустыням и горам, кишасим разбойниками.

– Самое ближнее, куда можно доплыть по воде, если плыть по Хазарской реке из Тёмной земли кривичей, мешеры и муромы – это до южного берега Хазарского моря, – ответил Эйнар, косясь на задумчивого Вишену, – так отсюда быстрее добираться до Багдада, чем вокруг всей Европы плыть до Кавказа или Антиохии.

– Только там, в Тёмной земле, много волоков через лес, никем не обустроенных пустошей, лесные жители на купцов нападают, и туда сейчас никто не сунется, – ответил ему Йёран, – правда Рагдай рассказывает, что князь кривичей Стовов построил город Каменную Ладугу и Стовград-на-Нерли, пытается одолеть лесные народы и защитить торговлю, но этого пока мало.

– Предлагаю выпить византийское вино за то, чтобы дорога из Восточного моря в Хазарское стала явью, – с этими словами ярл Эймунд взял со стола питейный рог зубра и подставил его под кувшин с вином в руках служанки.

Все поступили так же со своими сосудами. Когда вино торжественно было налито и выпито, пиршественный и одновременно тронный зал дома правителя наполнился чавканьем,

хрустом костей на зубах и довольными разговорами. Несмотря на то что пир длился уже третий день, ярл Эймунд и его херсир Овар всё ещё ели, и пили с большой жадностью.

Наблюдая за этой черноглазой служанкой-рабыней Сельмой, Эйнар в очередной раз пожал плечами и заглядывая в свой пустой рог, спросил:

– Где в этой саге кудесника связь с сокровищами Рейна?

– Пить вино и вообще пьянство – это добровольное помешательство, сказал Аристотель, – произнёс по-гречески Рагдай и добавил уже по-норманнски, – здесь такая же связь, как у беременной и северного ветра.

Все засмеялись. После странного рассказа, разговор, похоже, возвращался в привычную для всех колею. Особенно веселился шутке Овар. Утирая слёзы, ярл Эймунд сказал:

– Золото Рейна тут не причём, эта сага о золоте императора Сиринды, восточной страны на краю мира.

– Говорят, там одна женщина в день делает четверть куска шёлка, – сказал Овар, стращивая со своей бороды крошки, – мне бы пару таких рабынь-мастериц, и через месяц можно было бы шить шёлковый парус. Лёгкий пурпурный, с драконами из огня как на корабле Одина.

– Я про то и говорю – шёлк! – кивнул Йёран, – это сила!

– Кроме рабынь потребуется ещё шёлковые черви, что дают нить, говорят вроде, что сирийцы тоже умеют делать шёлк, – сказала Маргит, выходя с женской половины дома и садясь на лавку рядом с Вишеной.

Сидевшие по левую сторону от ярла Эймунда его сыновья Эрик и Акар хмуρο устали на них.

– Может быть, объединить наши дружины и пройти в Хазарское море за шёлком? – спросил, обводя всех взглядом, Йоран, – сто викингов – это сила, неужели там кто-то сможет нас остановить?

– Тысячи и тысячи болгар, кавказских албанцев и авар перебыют нас раньше, чем мы доплывём до Итиля, – сказал, с сомнением качая головой, Рагдай, – там ещё бродников разных много на волоках, то есть я хочу сказать, что только силой там пройти не получится.

– Правильно, книжник, – сказал ярл, – к силе всегда нужно добавлять ум. Один мудрец сказал, что если один человек в жизни достиг чего-то значимого, то ему было от чего отталкиваться, или было нечто, что его с усилием тянуло, потому что невозможно двигаться никуда, отталкиваясь только от пустоты или хватаясь руками за воздух.

– Князь Стовов хочет идти на запад в далёкий поход и считает, что доблестные ярлы Эймунд, Вишена и Йёран должны пойти с ним, – неожиданно объявил всем Рагдай, – у него сейчас большая нужда в воинах для похода в Померанию, Моравию и Паннонию, потому что король франков там сейчас сражается на своих восточных границах с королём сербов и моравов Самосвятом и против аваров хана Аспаруха.

– А город асов – небесный Асгард твой князь Стовов не хочет завоевать? – едва сдерживая смех спросил Вишена.

Шутка пришлась пирующим по душе и все начали неистово смеяться, потому что представить себе более безумный поступок было тяжело.

– Это наш конунг, он всегда такой весёлый, – сквозь шум сказал Эйнар служанке, подмигивая, – он один такой.

– Я знаю, – крикнула в ответ Сельма, чтобы что-нибудь ответить красивому викингу.

– Простой воин получает сейчас шестьдесят пять серебряных византийских монет-гексаграмм в год, а вожди в два раза больше, и все получают часть военной добычи, – сказал тем временем ярл Эймунд, отвечая на какой-то вопрос Йёрана – этого мало, столько воин может взять всего за пару набегов на побережье Британии или Биармии. Невольник с Кавказа или из Таврии стоит один гексаграмм золота.

– Эти наёмники-викинги в Константинополе сбили цену и по всей Европе тоже, – согласился с ним Йёран, – позорят славное имя викингов.

– Идти туда, на запад? – Вишена задумчиво посмотрел на Маргит, – мне кажется, лучше попытаться напасть на Рим, если там что-нибудь ещё осталось после последнего разграбления его готами.

– С Римом ничего не выйдет, ни у кого сейчас не хватит сил, тем более что папа римский Гонорий, как говорят, может убить любого, мешающего упрочению Христовой веры, а уж напавшего на него самого в его городе и подавно... – с сомнением в голосе сказал Рагдай, – лучше наняться к королю Дагоберту для войны с басками. Там тепло, там яблоки, солнце, черноокие кельтиберки и готки...

– Отец, пусть Рагдай ещё споёт чего-нибудь, – сказала вдруг Маргит звенящим голосом, – а то вы тут делите шкуру не убитого медведя, а Вишене на охоту пора, убить оленя или кабанчика как он мне всё обещает, и светает уже, сколько можно сидеть тут и пить пиво и вино...

– Не смей вмешиваться в мужской разговор, – резко прервал её младший брат Эрик, – пошла бы лучше проверила, доят ли молоко рабы, а то разленились все слуги и рабы перед весной.

– Может быть, уже не друг конунга Вишены, властителя без владений споёт, а настоящий уважаемый скальд, что получил за это оплату и приехал к нам издалека? – проговорил вызывающе старший сын ярла рыжеволосый и сильно веснушчатый Акар, – может быть пир не будет совсем уж испорчен странными рассказами славянина?

– Я не славянин и не из славян, – ответил спокойно Рагдай, – я сам из голяди, голинд, хоть и живу на реке Москве среди славян кривичей, вятичей, мокши и мещеры, голядь по-славянски называется мой народ там.

– Мне всё равно, – сказал Акар.

– Разве можно быть таким неучтивым? – с притворным порицанием в голосе спросил сына ярл, – но если наш скальд споёт что-нибудь из Эдды, это ведь не обидит нашего учёного гостя из Гардарики?

– Я не из Гардарики и не из Альдейгьюборга, я из Тёмной земли, так её называют за плодородный чернозём, – ответил Рагдай, – конечно приятно слушать священные песни в доме уважаемого правителя нескольких фьордов и равнин.

– Вот, дубина не отёсанная, учись, как надо разговаривать! – воскликнул Эймунд, тыкая пальцем в Акара, и добавил уже повернувшись к седебородому скальду, – почтенный, исполника нам что-нибудь привычное нашему уху!

Скальд медленно кивнул и провёл сухими пальцами с длинными жёлтыми ногтями по струнам. Затем он запел тихим и заунывным голосом, иногда только делая ударения на именах и названиях. Чувствовалось, что так он мог бы петь всю ночь и такая манера исполнения длинного произведения была для него единственно возможной:

С востока в ладье Муспелля люди плывут по волнам, а Локи правит.
Плывут и сыны великанов в ладье с ними брат Бюлейста.
А что же с асами и альвами? Гудит Ётунхейм, все асы на тинге,
Карлики стонут пред каменным входом в скалах родных –
Сурт быстро едет с юга, солнце блестит на мечах богов;
Рушатся горы, мрут великанши, в Хель идут люди, расколото небо.
Настало для Хлин новое горе, бог Один вступил с Волком в сраженьё.
Бели – убийца с Суртом схватился – радости Фригг близится гибель.
Гарм лает громко у Гнипахеллира, скоро вырвется жадный.
Мне многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов.
Сын тут приходит Отца Побед, Видар, для боя со зверем трупным;

Меч он вонзает, мстя за отца, – в сердце разит он Хведрунга сына.
Тут приходит Хлодун, со змеем идет биться сын бога Одина.
В гневе разит страж Мидгарда, люди должны с жизнью расстаться.
Отступает сын Фьёргюн, змеем сраженный – достоин он славы.
Солнце померкло, земля тонет в море, звёзды срываются с неба.
Пламя бушует, жар солнечный нестерпимый с неба доходит.
Вздывается снова из моря земля, зеленея, как прежде;
Падают воды, орел пролетает, рыбу из волн хочет он выловить.
Встречаются асы на Идавёлль-поле, о поясе мира могучем беседуют.
Вспоминают о славных событиях и рунах древних великого бога.
Снова найтись должны на лугу в высокой траве тавлеи золотые.
Заколосятся хлеба без посева, зло станет благом, Бальдр вернулся.
Жить великан теперь будет с Хёдом у Хрофта в жилище богов...

– Я тоже могу говорить как этот учёный певец, – сказал Рагдай, воспользовавшись перерывом из-за того, что скальду потребовалось выйти на двор, – просто я думал, что что-то новое вам будет тоже интересно, про Китай...

– Знаешь... – начал было подбирать слова ярл, – как это...

– Хорошо, слушай! – сказал книжник, затем стал легонько отбивать такт ладонью по доске стола и запел:

В начале была чёрная бездна Гиннунгагап на краю царства льда.
Царство льда – Нифльхейм примыкало к другому царству –
Муспельхейм, и около него лёд Гиннунгагапа таял и летели искры.
В Нифльхейме был родник Хвергельмир и двенадцать его потоков.
Мороз превращал их воду в лёд, но источник бил не переставая.
Этот родник произвели великана Имира и телицу Аудумлу.
Из пота Имира родилась пара человеческих разнополюх существ,
А одна нога с другой зачала сына – и это был первый великан!
Корова Аудумла лизала покрытые инеем холодные солёные камни.
Потом она питала Имира молоком, и от тепла её языка родился Бури.
Его сын Бёр взял себе в жёны внучку Имира великаншу Бестлу.
Великанша родила Бёру трёх сыновей-асов: Одина, Вили и Ве.
Асы убили прадеда Имира, а из его тела сотворили Мидгард.
Из мяса сделали землю, из костей – горы, из волос – растения.
Из его мозга они сделали облака, из черепа – небосвод.
В каждый из четырёх углов мира они посадили по ветру.
Из ран Имира вытекло столько крови, что в ней утонули великаны.
Утонула и корова Аудумла, Бергельмир тоже спасся с женой.
Они набрались сил и положили начало новому роду grimтурсенов.
На берегу моря они нашли два дерева: ясень и ольху.
Из ясеня делали красивого мужчину, из ольхи – красивую женщину.
Бог Один вдохнул в них жизнь, Вили дал им разум, а Ве – кровь.
Так появились первые люди, их назвали: Аск и Эмбла.
За морем, к северу от Мидгарда, асы создали страну Ётунхейм.
Они отдали её во владение Бергельмиру и его потомкам.
А себе построили страну над землёй – город Асгард...

Все снова наполнили свои питейные рога, выпили за богов и хранителей жилищ, скота и рыбных косяков. Братья Маргит, злобно поглядывая на Вишену, несколько раз выходили на воздух, было видно, что солнечный свет, робко пробивающийся сквозь дым очага в отверстие кровли, на самом деле разливается по фьорду ярким жёлтым огнём.

– Так, или иначе, в Сиггблот, первый день лета, в начало нового года, князь Стовов будет ждать желающих принять участие в походе в устье Западной Двины, – сказал Рагдай, – встреча состоится южнее Моонзунда посреди залива у острова.

Вишена промолчал, но было заметно, что ему не хочется никуда уходить с Рагдаем. Вернувшийся скальд уже не удостоился больше внимания и стал сам напевать себе под нос продолжение из Эдды.

– Мне не очень понятен этот поход, – сказал ягд Эймунд, – когда мы все протрезвеем, расскажи мне ещё раз, книжник, что могут взять бедные люди в местах, где воюют короли и их армии.

А теперь, может быть ты мне продашь, наконец, книгу это мудреца последнего римлянина про богов. Сколько ты за неё хочешь?

– Двадцать золотых безанов, – быстро ответил Рагдай, – там много украшений на переплёте.

– Я за это двадцать коров куплю, – быстро, несмотря на изрядный хмель, сказал ярл, – дорого это очень.

– Я куплю за пятнадцать, – сказал Йёран, – я думал, что ты меньше чем за двадцать пять не отдашь, а если есть торг...

– Хорошо, иудейская душа, пусть будет восемнадцать, и по рукам ударим, – воскликнул ягд Эймунд.

– У меня столько нет, – подмигивая книжнику, сказал Йёран, – ты всё ругаешь богатых за жадность и подлость, а кому бы ты свои книги продавал, если бы богатых не было, рабам?

Рагдай хотел что-то возразить, но сыновья неодобрительно загудели:

– Отец, зачем столько денег тратить на эту книгу, в походе можно десять таких в монастыре захватить!

– В монастыре будут богословские христианские книги, вы их не сможете не прочесть, ни понять, а это учебник жизни, – перекрикивая их, сообщил присутствующим Рагдай.

– Лучше бы выпили за удачу великого похода на запад славного конунга и берсерка Вишены! – закричал, присоединяясь к общему шуму Эйнар, – за Вишену!

– За ярла Эймунда, хозяина гостеприимного крова!

– За дочь ярла, красавицу Маргит!

Пока все кричали наперебой и опрокидывали питейные рога с вином, братья Маргит вышли из дома. Это не могло никого насторожить, потому что по многу раз все выходили и возвращались во время пира. Только очень внимательный и проницательный наблюдатель, мог бы заметить странные взгляды Маргит и её братьев, то друг на друга, то на Вишену.

– Я буду думать над предложением Рагдая, – сказал сквозь крик Вишена и поднялся со скамьи, собираясь выйти, – выйду подышать от этого дыма.

– Это уже лучше, чем просто отказ, – сказал Эйнар и тоже поднялся, намереваясь выйти вместе с ним, – если мы пойдём в поход только силами одной дружины, много ли мы сможем добыть?

Вишена остановил его рукой, усадив обратно на скамью, и вышел во двор.

Всё что потом произошло, показалось Вишене сном, чередой не связанных грохочущих мгновений, медленных, гулких и неотвратимых сцен и какой-то чужой жизни. Он знал, что Маргит сейчас выйдет за ним и будет упрекать, или просить, как она всегда делала раньше. Действительно, она тоже вышла на свет, и он услышал за спиной её лёгкие шаги, и шёпот,

призывающий свернуть к деревянному сараю. Повинуясь, он свернул направо и у стены из вертикальных брёвен остановился, обернулся и обнял её со словами:

– Мне не хочется уходить из Викхейля, но прошу тебя, не веди себя так, словно мы уже помолвлены. Дай мне свободно сделать выбор. Клянусь нитью судьбы богини Инн, наши судьбы уже соединены! – после этих слов он поцеловал девушку в горячую щёку, ладонями отвёл назад её волосы, упавшие из-под перевязи.

Маргит смотрела на него испытующе и подозрительно. Отражённые блики восходящего солнца неверно мерцали в её глазах.

– Отпусти меня, – сказала она так громко, словно это должен был услышать ещё кто-то, – отпусти или я позову на помощь!

Последние слова она уже крикнула, в голосе девушки был испуг, надежда, радость и отчаяние. Одновременно её начала била дрожь, словно от лихорадки.

– Да что с тобой? – Вишена удивлённо отстранился от неё, – ты заболела?

Неподалёку возникли и быстро затихли, удаляясь, голоса Эйнара и служанки Сельмы. Они обсуждали, где бы им уединиться. Закукарекал петух, очень далеко, в лесу завыл волк, и вслед за этим солнце ушло за облака. Из тени двора возникли две фигуры. Одна из них, голосом Акара властно приказала:

– Отпусти её и следуй за нами!

– Ты опозорил нашу сестру и должен либо жениться на ней, либо быть осуждён общим тингом на изгнание и выкуп, – добавила другая тень голосом Эрика, – предатель клятвы гостеприимства!

– Эрик и Акар? – Вишена, пытаясь понять, что происходит, отступил под навес конюшни, – Маргит, это похоже на западню! – наконец сказал он, прижимаясь спиной к стене, чувствуя как хмель быстро улетучивается, а тело наливается прежней силой.

– Братья хотят, чтобы ты просил отца объявит о нашей помолвке, особенно после такого случая, – воскликнула Маргит и коротким движением выдернула шнуровку ворота своего платья, – у тебя нет другого пути, любимый!

Её полная грудь наполовину обнажилась. Девушка раскраснелась от волнения. Взлохмаченная, растерзанная, с блуждающим взором, теперь и впрямь стала похожа на жертву насилия со стороны великана-сластолюбца.

– Пойдём с нами, херсир, это нужно сделать прямо сейчас! – сказал Эрик, стараясь придать своему голосу твёрдость, – не сопротивляйся своему счастью, не нужно с нами ссориться.

– Не слишком ли ты молод, чтобы затевать ссору с конунгом? – зло сказал Вишена.

– Конунгом? У тебя нет ни земли, ни коров, все викинги с востока и юга такие бедные, при чём тут титул конунга? – сказал Акара, надменно задрвав подбородок, – тебе безродному честь породниться с нами, а ты сопротивляешься.

– Не зли его слишком сильно, – перебил брата Эрик, – пусть он опомнится, надо благодарить богов, что его меч остался под трапезным столом.

– Он нам ничего не сделает, его дружина меньше нашей, его и так выгнали отовсюду как пса, – Акар пьяно рассмеялся, – давай, брат, хватаем его и отведём к отцу, обычай и традиция на нашей стороне! Если моя любимая сестра хочет видеть его своим мужем, то пусть ей будет хорошо, а земли и скота у отца много, а вот получив сильную дружину можно ещё захватить, и даже с Инглингами и Скьёлдунгами говорить почти как с равным! Можно делать набеги на земли пруссов, откуда начинается Янтарный путь в Средиземное море, и где есть городки Кауп и Трусо, которые можно с успехом пограбить!

Не то чтобы Вишена не хотел жениться на Маргит, наоборот, она была для него самым лучшим человеком на свете, не то чтобы он боялся унижительных разговоров о его состоятельности, как жениха, просто участник множества битв, походов и смертельно опасных приключений, не любил, когда его к чему-то принуждал против его воли. Он лихорадочно начал искать

глазами хоть какое-то оружие, но ничего не годилось для боя, ни дубовое ведро, ни берестяное сито, ни обломанная рукоять лопаты или горсть гвоздей...

За спинами братьев появились двое дружинников их отца, видимо посвящённые в тайну происходящего. Теперь не было и речи о том, чтобы убежать или отбиться кулаками от позорного приведения к сватовству под принуждением. Их связь с Маргит показалась теперь ему совсем в другом свете. Для неё, девушки из богатой семьи известного рода на краю благодатного Восточного моря, было не трудно найти подходящую пару, сулящую в последующем славу и богатство. Но ей хотелось стать грозной правительницей от Готланда до Норрланда. Отец Маргит был уже стар, чтобы ходить в успешные походы, старая его дружина превратилась скорее в волопасов и сборщиков дани с озёрных хуторов, где кроме мёда, шкурок белок и свиней, взять было нечего. Братья её, наоборот, были ещё малы и неопытны, чтобы самостоятельно идти в дальние походы и захватывать хорошую добычу. В соседних фьордах люди тоже не дремали. Уже не осталось ни одного фьорда, где не было бы поселений или рыбацких угодий. Пригодной земли для посевов было всё меньше, как и места для выпаса скота. Теперь всё больше бонов бралось за оружие, и мешало настоящим викингам делать своё нелёгкое дело.

Все постоянно плавали на юг, в прусский ремесленный и торговый Кауп, проходили через Сасбию вдоль Янтарного пути, грабя местных или не местных торговцев. Другие Каупты, на других берегах, тоже были под их ударом. Трусо был отлично защищён, но в его окрестностях можно было перехватить зазевавшегося торговца. На востоке в Альдегьюборге на Ладоге, на западе в Павикене и других торговые эмпориях, можно пожить с солью и пушниной, но это требовало всё больших усилий. Ещё была возможность плыть вокруг Биармии по северному морю или сквозь кельтскую Биармию, её реки, озёра, волоки к Туле около Северной Двины и дёшево брать там куниц, бобров, отличную русую соль и рабов. Торговцы нанимали таких же викингов для охраны товаров с юга, и поход иногда заканчивался гибелью, пленом и рабством. Наниматься в качестве дружины к вендам, кривичам, пруссам или финнам было унижительно, и северяне, даже в Биармии, тем более в Скандии, потом таких ярлов и конунгов не пускала на альтинги-советы. Даже Упсала, принимающая всех, старалась их использовать в своих интересах тайно. Сильные конунги Ингьяльд Коварный, Хельвдан Храбрый и Гранмар не любили делиться с такими мелкими ярлами как Эймунд, и соглашались отдавать им для грабежа только захудалые берега, или отдавали после совместных походов так мало добычи, что проще было получить такой доход оставаясь на берегу и изготавливая паруса и вёсла на продажу. Маргит хотела стать женой храброго, везучего викинга из богатой людьми и пушниной Тёмной земли, где много племён, городов и рек. Там было мало озёр и безопасных островов, как в Скании, зато оттуда во все стороны расходились речные дороги, как ни и из центра паутины, и можно было пройти в южные моря к Византии быстрее, чем вокруг Европы. Если удалось бы договориться завоевать эти пути, то можно было построить королевство побольше чем у Ингьяльда. А это значило стать самой великой женщиной Скании, может быть потом королевой, достойной упоминания в великих сагах. Подговорить братьев было несложно, тем более, что драккар Вишены им нравился безумно, как и нравилась возможность начать что-то делать самим, без отцовской и материнской опеки. Этой осенью, колдун дал им съесть зажаренное сердце волка, и теперь они чувствовали в себе неиссякаемые силы свирепости и желания борьбы.

Однако Вишена по-другому представлял себе свободу выбора конунгом своей судьбы. Он видел, как Акар сделал шаг к нему, а Эрик начал вытаскивать меч из ножен. Маргит закрыла глаза рукой и отвернулась со словами:

– Вишена, не сопротивляйся своему счастью!

– Это подлость не достойная воинов – нападать на безоружного гостя. Даже женщине это непростительно. Слышишь, Маргит? Я ненавижу тебя, ты подлая волчица, дочь волчицы! – Вишена увидел в сухой траве у конюшни то, что могло стать хоть каким-то оружием – несколько сбитых о камни подков в корзине.

Он схватил три из них в руки и грозно промолвил:

– Я не дам себя взять и пусть будет так, как хотят боги!

– Как хотят боги, – сказал Акар, оскаливая почти волчье лицо, и вместе с братом кинулся на Вишену.

В этот же миг Вишена изо всех сил бросил в них одну из подков. Со свистом пролетев рядом с головой Акара, она на ударилась о стену деревянного сарая. В разные стороны полетели щепки, словно это был молот и, отскочив, со звоном, подкова упала на камни.

– Это первое предупреждение, – крикнул он.

Прежде, чем все успели сообразить, в чём дело, Вишена бросил следующую подкову в Акара, а с оставшейся подковой, как с кастетом напал на Эрика.

– Ха... – только и успел сказать Акар, или это просто было его дыхание, потому что подкова с глухим звуком попала ему в переносицу.

Голова юноши дёрнулась назад, словно он на бегу ударился лбом о притолоку двери. Он сделал несколько шатких и незрячих шагов в сторону, пытаясь сохранить равновесие, и рухнул, раскинув руки, прямо под ноги Маргит. Он ещё не упала на землю, как Вишена двинулся навстречу Эрику, и двумя руками, сжимая подкову, мощно ударил его в грудь. Что-то хрустнуло. Эрик со стоном отлетел в сторону и упал. Вишена двинулся на дружинников Эймунда. Однако те, понимая, что дело приняло нешуточный оборот, решили не отягощать общее положение, и отступили, показывая Вишене ладони, в знак того, что схватка закончена,

– Сюда! – с ужасом в голосе закричала Маргит, наклоняясь над Акаром, – скорее!

Она попыталась приподнять его и руки её тут же оказались перепачканы кровью. Она рванулась прочь, к отцу, чувствуя затылком тяжёлый взгляд взбешённого Вишены. Любовные переживания людей иногда подобны страданиям охотника, боящегося упустить дичь, и чем менее удачлив был в прошлом охотник, тем тяжелее его переживания по этому поводу. И страх возможной потери так туманит ему рассудок, что он уже почти ничего не понимает. Так или иначе, а всегда наблюдать, как гаснут надежды на счастливую жизнь у молодых людей так же печально, как наблюдать жёлтые листья осенью. Что же касается любви, то она кончается в тот момент, когда любимый человек перестаёт быть тем, чем нам хотелось бы обладать...

В доме ярла Эймунда было всё ещё шумно, хотя кувшины вина, медовухи и пива давно опустели, жаркое превратилось в груды костей, а языки рассказчиков почти не ворочались от хмеля и усталости. Одни гости спали, уткнувшись лбом в доски столов, другие говорили громко и бессвязно, каждый о своём. Рагдай, слегка захмелев, учил Йёрана кидать монету. Это был золотой безан, только что полученный за книгу. Нужно было её кидать так, чтоб монета всегда падала на одну и ту же сторону. Он пред этим и несколько воинов поспорили, что Овар не сможет завязать вертел в петлю, как это делал Вишена. Рядом, красный от натуги Овар в третий раз сгибал и разгибал железный вертел. Ярл Эймунд зевал сыто и сонно, а его младший сын Ладри восхищённо смотрели на Овара, говоря:

– Вишена может десять раз согнуть и разогнуть вертел!

– А где все? Акара, Эрик, Вишена, Маргит? – спросил ярл, оглядываясь на спящих и сидящих вдоль стен, – что-то их давно нет.

– Хорошо, только погляжу чем закончится спор, – ответив так, Ладри привстал, и очень быстро спросил у отца, – а можно я пойду с Вишеной в его поход весной?

– Ты уже снова злишь меня! Мал ты ещё! – ярл ухватил мальчика за ухо, но тут же выпустил и досадно поморщился, потому что в третий раз Овар не смог свернуть железный прут в петлю.

Мало того, что он сегодня купил за целое состояние не нужную книгу лишь для того чтобы не слыть невежественным и тёмным, так он ещё и кольцо проиграл из-за хвастливого Овара. Ярл Эймунд выложил на стол перед собой огромные кулаки, похожие на молоты. На каждом его пальце было надето массивное кольцо или перстень.

– Выбирай, Рагдай, ты выиграл спор, – сказал он, – любое отдаю.

– Бери вон то, с головой змеи, на правом мизинце, сирийской работы... – шепнул Ладри, – оно отцу всё равно жмёт.

Рагдай улыбнулся радостно и указал на кольцо со змеёй мудрости.

Когда ярл, с краснея от натуги и боли, с превеликим трудом снял кольцо с пальца и бросил его через стол в раскрытую ладонь победителя, в двери появилась Маргит.

– Убийство! – крикнула она истошно.

Она стояла на пороге растерзанная, в крови, с безумным, злобным видом, словно разъярённая валькирия. В наступившей тишине было слышно, как ударились о доски стола и покатились кольцо, которое не поймал Рагдай. Потом кольцо со стуком упало на земляной пол.

– Убийство! Что вы сидите? – удивлённо спросил у всех Рагдай, – это никого не волнует?

– погоди... Маргит, любит последнее время устраивать злые шутки, – ответил ярл, – в прошлом году она придумала, что Эрик подглядывал за ней, когда она купалась в озере, и украл будто её одежду, поэтому она пришла в деревню голой. Сейчас мы всё выясним!

Глава четвёртая. Расплата и похищение сына Ярла Эймунда

– Кто убит? – спросил хмуро ярл.

– Акар! – крикнула Маргит.

– Кто убийца? – спросил снова ярл, и было видно, что он не верит дочери.

– Вишена! – ответила Маргит, – конунг Вишена!

– Ерунда, они только что сидели вместе за одним столом! – ярл Эймунд оглядел присутствующих, словно ища поддержки, им не из-за чего враждовать, тем более до смерти!

– Он напал на меня, а братья вступились и Акар погиб в схватке!

– Вот как? Если так, то всё меняется! Какое вероломство! Я оставил его зимовать, когда ни одна собака не хотела пускать его к себе после истории с Гердриком Славным, а он убийством заплатил за гостеприимство! – ярл вскочил на ноги, и хмель мгновенно улетучилась из его головы, – где мой меч?

Ягд Эймунд с Оваром и Ладри, а за ними ещё десяток его воинов, спрыгнувших с полатей у стен, бросились во двор. Там они увидели, что Сельма держит на руках окровавленную голову Акара, а его брат Эрик, корчась от боли, лежит рядом. Тут же стоял Вишену и нескольких его дружинников во главе с Эйнараром. Хотя на них не было кольчуг и шлемов, все были вооружены копьями и мечами. Служанка-рабыня горько плакала, вытирая слёзы рукавом.

Ягд Эймунд с Оваром и Ладри, и с ними ещё десяток его воинов ярла, слезших с настилов у стен, бросились во двор. Там они увидели, что Сельма держит на руках окровавленную голову, лежащего без движения Акара. Его брат Эрик, корчась от боли, лежал рядом в грязи. Тут же стоял Вишена и несколько его дружинников во главе с Эйнараром. Хотя на них не было кольчуг и шлемов, все они были вооружены копьями и мечами. Низкое солнце, только что появившееся над скалистыми горами, отбрасывало на землю длинные тени, из-за чего люди казались больше, чем были, и их казалось больше, чем есть. Служанка-рабыня горько плакала, вытирая слёзы рукавом. Увидев отца, Эрик простонал тихо:

– Конунг Вишена напал на нас, когда мы вступились за честь сестры...

– За какую честь ты вступился, с чего? Что тут произошло? – выкатывая глаза, спросил ярл Эймунд, – почему мои сыновья ранены?

– Они сами напали на меня, – хмуро ответил Вишена.

– Сначала Вишена набросился на меня и сорвал с меня одежду, – сказала Маргит, выглядывая из-за плеча отца, – он был вне себя от любовного наваждения!

– Почему он это сделал, если все знают, что вы и так уже давно вдвоём уединяетесь в укромных местах, и ему что, так ссоры со мной захотелось, что он стал вдруг делать то, что ему и так причиталось от тебя, бесстыдной? – произнёс ярл, словно размышляя вслух, – и почему он это сделал в присутствии твоих братьев, скажи, я ничего не понимаю?

– Она сама разорвала на себе платье, – сказал Вишена, – речь шла о моём сватовстве на ней.

– О чём сватовстве? – не удержавшись от любопытства, спросил Овар, и все присутствующие повернули головы в сторону Маргит, – о твоём сватовстве на дочери ярла Эймунда?

Маргит закусила губу, вдруг повернулась резко и быстро ушла в дом.

– Что с Акаром? – ярл Эймунд подошёл к сыну, – велика ли рана?

– Похоже, что он окривел на один глаз, – ответила рабыня Сельма, – глаз так повреждён сильно, похоже он вытек.

Она отняла руку с куском ткани от лица юноши, и все увидели страшную кровавую маску вместо его лица. Однако воины всю свою жизнь на л давшие разные раны сошлись во мне-

нии, что глаз не вытек, просто вокруг всё разбито, опухло и сочится кровью и сукровицей. Люди ярла Эймунда грозно зашумели, послышались мнения о том, что за это Вишена должен заплатить выкуп и как можно скорее покинуть фьорд. Когда ко всему прочему Эрик сообщил, что он не может нормально дышать, и грудь его нестерпимо болит при каждом движении, ярл Эймунд сказал:

– Я хочу, чтобы мы ещё раз всё обдумали, когда выветрится хмель от пира, но сразу можно сказать, что по обычаю, за такое членовредительство, Вишена должен заплатить пятнадцать коров за Акару, пять коров за Эрика, корову за платье Маргит, и потом уйти из Викхейля.

Наступила гнетущая тишина. Цена была большая. Но и изувечить сыновей ярла и порвать платье на его дочери, тоже было делом необычным. У Вишена было сорок отчаянных викингов, каждый из которых оставил дом и семью из-за каких-то серьёзных причин, долгов, грозящих рабством, боязни кровной мести, грабежа и воровства, изнасилований и предосудительного кровосмешения. С ним были и берсерки, с которыми никто и нигде не мог ужиться. У ярла Эймунда было не меньше воинов и ещё столько же мужчин, он мог легко вооружить и заставить за себя сражаться, а ещё больше было рабов. Если бы он собрал со всех своих хуторов взрослых мужчин, викингам не поздоровилось бы. Но у дружины Вишены был огромный опыт войны и сражений, а у людей ярла он был не богатым. Что касается пруссов Йёрана, то они вряд ли приняли бы чью-то сторону.

Тишина, прерываемая только лаем собак, затянулось. Слышно было, как дышат за стеной лошади и коровы, а у колодца мальчишки спорят из-за упущенного ведра. Вооружённые смертоносным оружием бородатые, кое-как одетые люди стояли лицом к лицу и мерили друг друга злыми взглядами. Однако мечи и крамо-саксы пока никто не обнажил.

– Не хватало тут ещё битвы, которая мои надежды на поход за Золотой лоцией, – промолвил тихо Рагдай.

Он мягко отстранил Эльму за плечо и склонился над Акаром. Осмотрев его, он поднял голову к ярлу и спокойно сказал:

– Я смогу через две недели поставить его на ноги, однако зрение глазу, может быть не удастся вернуть полностью.

– Наверно ярл Эймунд прав, гости нарушили закон гостеприимства, они должны заплатить установленный пострадавшей стороной вергельд и уйти, – сказал Йёран, – мне жаль, что наше появление совпало с этой кровью, ярл, прими наше почтение.

– Мы не хотим кровавой ссоры и последующих событий, мы заплатим вергельд, объявленный хозяином одля, – выступив вперёд, сказал Эйнар, после того, как о чём-то пошептался с несколькими своими товарищами, и прежде всего с седобородым Гелгой, самым старым, опытным и уважаемым викингом в дружине Вишены, – и мы знаем обычаи, только предлагаю обсудить размер выкупа, потому-то глаз на месте, а за синяк платить пятнадцать коров никак невозможно.

Ягд Эймунд вопросительно покосился на Вишену и сказал:

– Глаз на месте, хорошо, пускай будет пять коров!

– Три, – сказал конунг, – он первый напал на меня, и всё это ловушка Маргит!

– Хорошо, – кивнул ярл, к великому облегчению всех присутствующих, – три коровы за Акара и одну за Эймунда, а платье этой плутовки я тебе прощаю.

– Платим серебром, когда вернёмся, – сказал конунг, – сейчас у нас ничего нет за душой, только то, что мы должны за зимовку в твоём Викхейле.

– Пусть будет так, – сказал ярл, – оставь в залог часть оружия, когда добудешь дирхемы, выкупишь его обратно.

– Но как мы пойдём в поход без оружия? – резко спросил ярла Гелга, – закон говорит, что можно заменить выкуп судебным поединком, пусть бой решит, кто прав!

– Тут не суда, – спокойно ответил ярл, – здесь всё ясно и виновник не отказывается, и поединок здесь только всё усложнит.

– Я заплачу за Вишену выкуп, а он пойдёт в поход вместе со мной и Стововом Багрянородцем на запад! – неожиданно предложил выход Рагдай, – пойдёшь теперь со мной и князем кривичей Стововом?

– Теперь пойду, – кивнул Вишена понуро, – видно так хочет бог Один и все остальные решили это за меня, хотя я так не люблю этого Стовова...

– У юного Эрика сломано несколько мелких костей, – сказал Рагдай, осмотрев после этого грудь юноши, – нужно сделать повязку и лежать ему надо неделю на постели из мягких шкур.

Ярл Эймунд пожал плечами:

– Платить за кого-то не запрещается обычаями. С тебя двадцать один дирхем, книжник.

– Восемнадцать, – начал торг Рагдай, – платье порванное мы не считаем, у Эрика всё вообще не страшно, а четыре коровы как раз стоят восемнадцать дирхемов.

– Рабыня стоит пять дирхемов, а тут целая корова меньше? – сказал, решительно замотав головой, ярл, – пусть четыре коровы тоже по пять, и всё равно двадцать.

– Хорошо, – кивнул Рагдай, – на самом деле нормальная цена.

– Хорошо, поладили, книга твоя мне досталась, считай, бесплатно, раз деньги почти все вернутся назад, – после некоторого раздумья сказал ярл Эймунд, – и вы сегодня начнёте готовить драккар к отплытию, льда на воде уже нигде нет, и можно плыть, не опасаясь повреждения досок.

– Я тоже ухожу с ними, моя договорённость с книжником выполнена, – сказал Йёран, повышая голос, чтобы перекричать начавшиеся разговоры и даже смешки собравшихся вокруг, – мне нужно идти торговать в Бирку, у меня с собой мёд и пушнина. Мы уйдём сегодня в полдень, принеся жертву Одину на вашем капище.

Йёран повернулся и пошёл обратно в дом ярла вместе с тремя своими людьми.

Глядя как люди Вишены, Эйнар и Рагдай покидают место печальной схватки, Овар сказал ярлу Эймунду:

– Если они попытаются уйти, не заплатив выкуп, нам даже не на чем будет их догнать, если не приготовить наш снеккер.

– Тут какая-то тайна, раз книжник платит за него такой не маленький выкуп, – ответил ему ярл, – почему он не позвал в поход нас или, например, Йёрана?

– Будем готовить свой корабль?

– Нет, – ответил ярл и сказал, обращаясь уже к сыновьям, – ну что, заговорщики, сладили с викингом?

Эрик самостоятельно поднялся, а Акару помогла Эльма.

– Кто же мог знать, что он подковой? – прошептал ледяными губами Акар, – у него даже ножа кромо-сакса его не было, в доме лежать остался, а он...

Снова появилась Маргит, узнав от вернувшихся, что всё, слава Одину, обошлось без поединка и сражения.

Она, стараясь не смотреть на Вишену, принялась помогать Эльме.

– Отец, прошу, не выгоняйте его! – сказала Маргит чуть не плача, – я чувствую, что он больше не вернётся сюда, а ведь мне так с ним было хорошо...

– Упустила ты своё счастье, красавица, если так, – сказал ярл, наблюдая, как Вишена, не глядя на девушку, поворачивается и уходит в сторону берега, – мать твоя тоже вечно затеет этакое, сплошной Рагнарек, видно ты в неё пошла.

– Мне было так хорошо с ним, мы, наверное, сможем ещё быть вместе, пусть его воины уйдут, а он останется и женится на мне... – девушка в голос разрыдалась.

– Замолчи, я думаю, что всё-таки это ты подговорила Эрику и Акару устроить эту ловушку конунгу, – сказал ярл, – хорошим разговором за пиром я бы уладит твоё дело, а теперь он сгинет в своём далёком вике, и ты его больше никогда не увидишь!

– Несчастливая я! – Маргит бросилась к отцу и уцепилась пальцами за его тканый золотом воротник, – он достанется другой женщине!

Каменное и обычно надменное выражение лица ярла изменилось, лицо его утратило свирепость, и он казался теперь уже просто уставшим, огорчённым стариком.

– Ну достанется, бывает, – сказал он, – вон он какой рослый, красивый и знаменитый, уже и Инглинги про него знают после истории с дочерьми Гердрика.

– Нет! – закричала Маргит тут как сумасшедшая, и взаправду её размётанные волосы, прилипшие к мокрому от слёз лицу, блестящие глаза ещё недавно прекрасные и веселые, а теперь выкатившийся из орбит, придавали ей такое выражение, – не достанешься ты никому, раз не достанешься мне!

Она отпустила отца, выхватила небольшой нож из кожаных ножен со своего пояса, и подняв его высоко над головой, бросилась вслед уходящему Вишене. Ещё немного и нож мог вонзиться ему в шею или в лопатку, и вся последующая история не состоялась бы из-за возможной схватки дружины ярла с дружиной конунга, мстящей за убийство или ранение своего вождя и жреца. Может быть, конечно, всё бы обошлось выкупом, но в поход с Рагдаем раненый Вишена в преддверие весны уже не пошёл бы. Вишену от удара ножом в спину спас Акар – он успел схватить в последний момент пролетающий мимо него подол платья сестры, от чего он сам, держащая его служанка и Маргит повалились на грязные и скользкие жерди мостовой. Нож с жалобным звоном отлетел в сторону.

– Ты сума сошла совсем?! – только и выдохнул от неожиданности, обернувшись, Вишена – это слишком!

– Я не смогу жить без тебя! – Маргит одним прыжком оказалась рядом с ним и схватила его за пояс, припав щекой к груди, – пожалуйста, прости меня, останься!

– Знаешь, – конунг железными пальцами бережно взял её руки, развёл их, отстранил девушку от себя и легонько оттолкнул в сторону, где стоял её отец, – знаешь, нам нужно немного остыть и побыть поодиночке...

После этого Вишена настолько выразительно посмотрел на ярла Эймунда, что тому показалось, что конунг сейчас будет оспаривать выплату вергельда, но Вишена пошёл дальше, махнув рукой Эйнару, Гелге и другим товарищам, чтобы они не возвращались из-за этого происшествия.

– Ну, ты и ведьма, – сказал после этого ярл своей дочери, не завидую твоему будущему мужу и его семье, и так же тем, кто может оказаться на пути твоей зависти или ненависти.

Он повернулся к своему младшему сыну и сказал ему:

– Ладри, ступай за воинами Вишены, будь рядом с ними, словно тебе интересно как они готовят драккар к отплытию, а сам слушай, вдруг они решат уехать, не заплатив, тогда узнай, куда они собираются плыть, а сам беги сюда и мне всё расскажи...

– А мне действительно интересно, как они готовят корабль, – ответил мальчик с готовностью и с радостным видом отправился в сторону берега, весело топоча по бревенчатой мостовой.

После жаркого, дымного и дурно пахнущего воздуха в огромном доме ярла, после волнительной сцены противостояния у конюшни, чуть было не закончившейся битвой, стенаний Маргит, стонов раненых братьев, разгорающийся яркий солнечный день, редкий для ранней весны Восточного моря, обволакивал мальчика радостным покоем. Ладри посмотрел вверх и увидел умиротворяющий высокий небесный свод над своей головой. Потом он посмотрел вниз на яркие блики солнца на воде фьорда. Он с благоговейным чувством окружающего величия обвёл взором мерцающие белым и голубым свечением грани скал, поросших кое-где чахлыми

деревцами. Он кожей ощущал величественную тишину – она словно древний великан бродила, среди скал и высоких елей вокруг селения, омывала ноги в ручье и рябью летела в бесконечность поворотов фьордов к морю.

Миновав изгородь у оружейного сарая и горящий костёр, с сидящими у него вооружёнными дружинниками отца, мальчик свернул к каменным столбам с высеченными лицами духов очага и дома, и у маленькой каменной изгороди, обозначающей границу Викхейля, он увидел книжника Рагдая и друга конунга, Эйнара. Они оба шли к кузнице и драккару.

Сам не зная почему, Ладри пригнулся и двинулся вперёд бесшумно, избегая открытого пространства. Крался он, то рядом с тропой, отводя ветки рукой, бережно возвращая их в прежнее положение, то прямо по тропе, используя её изгибы, чтобы иметь укрытие. Даже если бы идущие впереди вздумали оглянуться, то они не увидели бы как пляшут ветви, не увидели бы крадущейся тени и не услышали бы и шороха. Он ставил ногу как бы немного скользя, не сразу перенося на неё вес тела, не давая сухим сучкам под старой хвоей предательски треснуть. Он был готов замереть на месте и стать тенью, если взлетит из кустов разбуженная куропатка. Он крался как зверь и был так близко от идущих, что слышал их приглушённые голоса.

– Я не жалею, Эйнар, этих двадцати дирхемов для выкупа, потому что если мы отыщем то золото, что я вскользь упомянул в сказании про Золото небесных королей, то у нас будет столько богатств, что можно будет всё Сканию купить, и ещё останется немного. Эти сокровища – это тридцать больших сундуков с золотыми монетами, золотой и серебряной посудой, самоцветными камнями, жемчугом, стеклом и янтарём. Лично мне нужна оттуда всего лишь одна вещь – золотой шар размером с голову человека под названием Золотая лоция. Судя по рассказам аварского торговца из Полоцка, там изображены все земли, открытые мореплавателями и земли ещё никем не открытые.

– Хорошо, что ты не сказал об этом другим на пиру, ярлу Эймунду и херсиру Йёрану. У них такие люди болтливые, что про это стало бы известно Ингьяльду Коварному или Хельвдану, и уж они с нас бы кожу живьём сняли, и узнали бы секрет.

– Они за это золото всё Восточное море подняли бы как волну, ещё бы, такая добыча.

– Я думаю, где-то рядом соглядатай...

– Соглядатай?

Услышав это, Ладри застыл на месте, но никто из идущих не оглянулся. Только разговор теперь они вели на непонятном ему славянском языке. Потом Рагдай с Эйнаром остановились, и мальчик весь подобрался, раздумывая, куда лучше отступить. Если они решат обыскать ближайшие заросли, ему придётся плохо. Он опустил на корточки, прошептал хвалу Одину, прося о покровительстве, гордый тем, что так ловко следит за опытными воинами, прекрасно видит и слышит их, оставаясь для них невидимкой.

От фьорда доносился запах дыма и смолы. Послышался стук железом о железо, затюкал топор. Это люди конунга Вишены начали готовить к отплытию драккар.

Ладри начал терять терпение. Ему хотелось чихнуть, но он сдерживался. На его вытянутую от напряжения шею сел комар. Откуда здесь мог быть комар в такой холод? Ладри хотел согнать его, прихлопнуть, и тут с ужасом понял, что это не комар, а остриё стального ножа касается его шеи.

Не в силах шевельнуться, он скосил глаза. Кто это? Карлики цверги, духи леса, бесшумные, коварные, всеильные, злобные, безжалостные твари собирались отнять его жизнь, уволочь в бездонные пещеры, изжарить на вертеле, превратить в жабу, паука, высосать кровь? Наверное, сейчас он увидит рогатую морду с каменными глазами и кривыми клыками, сейчас его обхватят когтистые лапы. Мальчику захотелось закричать, позвать на помощь, пусть даже Рагдай и Эйнар беседующих о чём-то на тропе, а теперь куда-то издевавшихся. Он хотел рвануться, побежать, но ног будто не было... Он почувствовал запах меха с дымом костра, чеснока, медовухи, клюквы. Он скосил глаза и увидел сначала бороду, а потом и всего Эйнара.

– Это... – только и смог вымолвить мальчишка.

– Ладри, почему ты за нами следишь? – Эйнар спрятал нож, схватил маленького соглядателя за воротник меховой куртки и вытащил его на тропу.

– Отец хотел проследить, не пытаетесь ли вы сбежать, не заплатив выкуп за глаз Акара.

– И как, не собираемся? – спросил его с улыбкой подошедший Рагдай, – как же ты так попался, тоже мне, охотник...

– Возьмите меня с собой за золотом, – умоляюще складывая руки, произнёс Ладри, – я хочу стать викингом!

– Тебе чего, малыш, дома жить надоело, и вообще жить на свете надоело, раз ты просишься в дальний вик идти с нами? – вдруг серьёзно спросил его Эйнар.

– Мне не нравится мой отец, мачеха и старшие братья, – ответил быстро мальчик, – только сестра Маргит добра ко мне, и я бы женился на ней, когда вырос и вернулся из похода славным воином!

Непослушание детей может быть, как вредным, так и полезным для ребёнка явлением, потому что в богатых семьях непослушание грозит перерасти в неприятие ребёнком устоявшихся правил и правильных способов достижения и удержания богатства, положения, или служит показателем не ума. В то же время непослушание ребёнка в бедных семьях является путём к тому, чтобы не повторять ошибок старших, приведших родителей к бедности, и это служит скорее доказательством ума ребёнка. Пусть даже непослушание может привести в страну страшных испытаний, этот путь предпочтительней, чем принятие серой жизни и распространение её для следующего поколения. В случае с Ладри налицо были оба сразу правила.

– Он ещё никуда не ушёл, но уже вернулся знаменитым! – зло сказал Эйнар, – сопляк наглый.

– Плохо жениться на сёстрах, от этого рождаются больные или мёртвые дети, – сказал на это хмуро Рагдай, – нет плохих матерей или отцов, а есть скудость домашнего хозяйства, не позволяющего дать образование, хорошую одежду, еду, здоровье и развлечения ребёнка, его хорошего настроения, уверенности в завтрашнем дне, так что плохое материнство и отцовство существует только в головах злых людей, стремящийся общую житейскую несправедливость между богатыми и бедными переложить на отдельную несчастную семью.

– Да, но к семьям ярлов это не относится, – с ухмылкой сказал Эйнар, – слишком много пахотной и луговой земли и коров.

– Однако, теперь, когда он знает о цели нашего похода, его нужно или убить, или взять с собой, – задумчиво произнёс Рагдай.

– Что он мог слышать? – по-славянски спросил книжника Эйнар.

– Про золото он мог слышать, ради которого короли готовы убивать друг друга, про Золотую лоцию.

– Это очень плохо.

– Ладно, Ладри, – произнёс Рагдай уже на понятном мальчику языке, – раз ты хочешь пойти с нами в поход, жди сейчас на берегу, потом залезай под палубу на корме и снова жди, пока мы не выйдем на середину фьорда. И не говори никому ни о чём, и не попадайся никому на глаза из людей своего отца или пруссам Йорана. Так или иначе, но нам придётся утром уходить из-за происшествия на пиру, если, конечно, удастся подготовить корабль. Люди ярла Эймунда наверняка будут следить за нашим отплытием, и могут потребовать осмотра драккара, если заподозрят, что что-то украдено, а тем более, что младший сын ярла хочет сбежать из дома.

– Хорошо, хорошо! – чувствуя, как радость переполняет его, почти закричал Ладри, – мой отец и братья хотят торговать, а не воевать, а это будет мой настоящий поход викинга, и я вас не подведу!

– Хорошо, хорошо! – передразнил его Эйнар.

Они втроём быстро двинулись вниз по тропе. Корабль Йёрана уже отходил от берега и его люди поднимали тяжёлый жёлтый парус, сами себе крича подбадривающие слова. Сам Йёран стоял на корме и махал фьорду рукой всем на прощание. Никто не вышел его проводить из людей Эймунда, даже любопытные рабы. Дружинники же Вишены, под руководством седовласого кормчего Гелги, торопливо выравнивали деревянные катки под килем своего корабля для спуска его на воду. За этими действиями следил и хмурый Вишена. В руках у него был кувшин с холодной водой и из него он всё время делал маленькие глотки.

Остановившись рядом с ним, Рагдай и Эйнар затеяли спор о том, правильно ли ярл Эймунд назначил выкуп за увечье Акара. Решив, что выкуп должен был быть меньше, они стали убеждать Вишену взять с собой Ладри в поход. Вишена не соглашался, говоря, что после того, что случилось с дочерью местного ярла, его двумя сыновьями, взять и увезти его младшего сына, было бы верхом неразумности. Это походило на враждебные действия, со стороны могло показаться, что после ссоры с братьями ярла Эймунда, его младший сын был увезён в отместку, чуть ли не как заложник. А если в походе мальчик погибнет, то это будет похоже на похищение с последующим убийством. Ладри уже не сможет подтвердить, что сам убежал из дома. Кто потом подтвердит, что отправился в рискованный поход добровольно? А это уже означало войну с ярлом Эймундом и его бедной, но злой семьёй и Биармии. Кровная месть было строгим обычаем, и обойти её не получилось бы. Ладри с собой брать было нельзя.

Тогда Рагдай открыл Вишене то, что Ладри подслушал их разговор с Эйнаром о существовании большого золотого клада. Он слышал, что этот клад является целью похода и эта весть может всколыхнуть всех конунгов Восточного моря, а на Вишену и Стовова станут смотреть как на людей, знающих, где золото, или уже захвативших и спрятавших его. В любом случае их стали бы преследовать могущественные Скьельдунги и Инглинги.

– Вот конец рассказа, не до конца прозвучавшего на пиру, – сказал, наконец, Рагдай, – золото, в конце концов, прошло по Шёлковому пути и оказалось у людей папы римского Гонория I в Антиохии, и исчезло вместе с ними во Фракии в долине реки Марицы, в землях, захваченных аварами. Теперь оно где-то там, в пещере, в скалах, или в земле, в сундуках, потому что больше его никто не видел, и никакие предметы из Китая нигде не появлялись.

– Это всё как-то туманно, – ответил на это Вишена, – все эти легенды о сокровищах далёкой восточной империи, откуда в Европу везли шёлк, пряности и посуду, не имеют доказательств.

– Есть кое-что, – уклончиво ответил Рагдай, – вернее было.

– Что было? – Вишена сделал глоток воды, – почему ты затеял всё это, ты, учёный человек, не верящий в сказки, легенды и в богов, читающий на десяти языках?

– И вообще, откуда ты всё это знаешь? Ты что, водил дружбу с властелином этой Поднебесной империи? – спросил Эйнар, удерживая за рукав рядом с собой Ладри, – тебе зачем всё это надо, ты ведь не любишь богатство, говоришь, что оно отравляет душу и разум, и люди, стремящиеся к нему, или достигнувшие его – несчастные и достойные жалости?

– Золотая лоция!

– Золотая лоция? – Эйнар приподнял одну бровь, – это лоция всегда показывает, где находится золото?

– Мне нужна она, это самый ценный для меня предмет на всей земле, даже если он сделан из обыкновенного воска и глины, – тихо ответил Рагдай, – эту лоцию подарил неизвестный небесный бог первому императору Поднебесной империи, во времена, когда ещё не было Рима и Константинополя, а вокруг Восточного моря жили дикие племена, не знавшие железа и колеса.

– А в чём её ценность, – не унимался Эйнар, даже Вишена на этот раз заинтересованно уставился на книжника.

– Об этом после, пора нам расходиться, – ответил Рагдай, указывая на людей ярла Эймунда, приближающихся к ним со стороны селения, – нужно спрятать Ладри.

– Жалко, а я думал, что в Викхейме я найду дом, семью, и что здесь мой конец пути, – сказал печально Вишена, – а это не конец, это теперь начало пути...

– Эх, Вишена, упустил ии своё счастье вместе с красавицей Маргит, дочкой правителя, – задумчиво сказал Эйнар другу, глядя на встревоженный Викхейль, – придётся теперь искать тебе счастье в другом месте, с другой красавицей...

– Придётся...

Глава пятая. Ветер Янтарного моря

Звуки флейты были нежны и прозрачны. Поскольку любое повторение приятно для органов чувств, повторение комбинации звуков для слуха, вызывает приятные чувства, музыка, дающая ещё и возможность получать удовольствие через восприятие разнообразных гармоний, является самым простым, бесконечно разнообразным инструментом для воспитания, развлечения и украшения буден, и поэтому музыкальные произведения, записанные и незаписанные, превосходят численно все другие творения людей.

Мелодия флейты сейчас, то зависала трелью высоких нот в вечернем морском воздухе, то ступенями соскакивала вниз, а потом снова взбиралась вверх, обрывалась и начиналась сначала. Флейтиста звали Бирг по прозвищу Безухий. Это был стройный юноша с чёрными волосами, вьющимися как мелкое руно, на висках и затылке. Он сидел на борту длинного и быстроходного драккара Вишены Стреблянина, свесив ноги над водой и зачарованно смотрел на горизонт – ровный, без привычной серой полосы берегов, чёрных силуэтов северных скалистых гор. Прозвище Безухий он получил из-за того, что всё время ошибался при игре на своей флейте. Однажды очень давно один учёный старый грек, попавший в плен к Гердирику Славному, и проданный потом одному соседнему бонду, и умерший от пьяных побоев своего нового хозяина, рассказал Биргу, что однажды греческая богиня Афина подарила пастуху Марсию свою волшебную флейту, и пастух стал так хорошо играть на ней, что поразил даже бога солнечного света Аполлона. Оказалось, что он играл лучше бога. За это Аполлон убил пастуха и снял с него кожу. Музыкант трагически погиб, но имя Марсия стало известно всем людям и на все времена. Этим старый и умный грек хотел, видимо, сказать маленькому Биргу, что для того чтобы стать великим музыкантом, нужно быть готовым отдать свою жизнь, если не в прямом, то в переносном смысле. Нужно быть готовым заключить сделку с богами, и ни за что им не показывать своего превосходства хоть в чём-то. А что из этого получится на самом деле, лучше не и думать, ведь если не кожу снимут потом, то неприятностей точно не оберёшься. Тем не менее после этого маленький мальчик в своё любое время, свободное от помощи по хозяйству родителям, а потом и во время походов в дружине конунга Вишены, стремился играть на флейте и совершенствоваться в игре. В конце концов, он научился весьма сносно играть и освоил все мелодии, услышанные им от скальдов на пирах или просто так, придуманные кем-то ещё.

Он освоил все мелодии, услышанные им от скальдов на пирах или просто так. Однако игра на гусях, бубнах или флейтах всегда только дополняли песни скальдов, их саги. Биргу же были интересны мелодии и ритмы. Однажды он принялся сочинять собственные мелодии. Он сочинил их за несколько лет великое множество. Пробуя их записать, он использовал руны, где каждая руна обозначала устойчивый отрывок мелодии, последовательное повышение трёх нот вверх, или вниз, или обыгрывание какой-то комбинации звуков. Беда была в том, что комбинаций было много, гораздо больше, чем он знал, или мог придумать рун. К тому же записывать приходилось, то сажая на бересте, то царапая на досках или камнях, из-за чего знаки искажались, стирались, их потом было трудно читать. Играя потом по памяти или по записям свои же мелодии, Бирг зачастую ошибался. Эти ошибки были слышны только ему, но он каждый раз останавливался при этом, начинал играть сначала, вздыхал, ругался беззлобно. Окружающим казалось, что он просто не умеет играть как следует. Так как звук он из флейты извлекал громкий, пальцы у него были на руках все на месте, то единственным объяснением такого поведения, могло служить только его тугоухость. Отсутствие слуха к музыке, или просто частичной глухоты. Так Бирга прозвали Безухим. Сейчас он сидел спиной к мачте и парусу, не видя кормы и носа ладьи. Таким образом, он остался один на один с флейтой, музыкой и водой пролива. За его спиной скрипела мачта, вздрагивал парус, вяло переговаривались Свивельд и Ингвар:

– Я тебе скажу просто, если бы я осматривал парус, то я увидел бы, что в него завернулся человек, хоть и мальчишка Ладри.

– Этот Ладри так худ, что я принял его за свёрнутую шкуру.

– Человека от шкуры отличить не можешь...

– Жалко тебе, Свивельд, что он плывёт с нами на корабле? Много места он не занимает, много воды не пьёт, на долю в добыче не рассчитывает.

– Ещё бы он рассчитывал на долю в добыче, Ингвар, ты что?

– Он станет викингом, а то всё время сидит среди коров, ячменя и куриц, кроме поля, садков на запрудах, ничего не знает, не видит, разве что в набег на озёрных людей когда-нибудь возьмут.

– Ты не понимаешь, – Свивельд перешёл на шёпот, – наш вождь Вишена теперь для всего рода Эдмунда стал, вроде как не совсем другом. Он конечно отдал выкуп за выбитый глаз Акара, но Маргит ему не простит бесчестья, а заодно и все остальные. Где мы получим зимовку в следующем году? Страйборг и все фьорды раньше принадлежавшие Гердрику для нас закрыты. Зачем нужно было возвращать золото его дочерям, если Вишена теперь для них хуже врага? Фьорды Эймунда тоже для нас закрыты. С кем мы поссоримся в следующем году? Из-за Ладри ещё будут неприятности, вот увидишь. Со стороны выглядит, что мы его украли из-за ссоры с сыновьями и дочерью ярла Эймунда. Удивляюсь, как Вишена ещё ничего не сделал первой жене Эймунда, умершей три года назад, хе-хе...

– Ладри сам влез на ладью и сам спрятался в парус, просто мы об этом не сказали людям ярла, искавшим его на драккаре перед отплытием.

– Клянусь всей волшебной пряжей богини Фрейн, этому не поверит ни ярл Эймунд, ни общий тинг, а этот Бирг в своё флейту всё дует и дует, того гляди, попутный ветер спугнет.

– А я его сейчас я его в воду спихну...

Но Бирг сам оборвал игру. Его отвлекли две чайки, на большой скорости упавшие неподалёку в воду, в серебряное пятно рыбьего косяка. Бирг слез с борта на свою скамью и подперев подбородок кулаком, уставился берега пролива между торчащими из воды скалами, и на близкую гору Птичьего остров. Низкое красное солнце, нарезанное на горизонтальные полосы узкими чёрными облаками, освещало эту картину, делая воду Янтарного моря свинцовой. Книжник Рагдай, о чём-то тихо говорящий задумчивому Вишене, тоже смотрел на эту величественную картину, стоя под головой дракона.

– Что перестал играть, Бирг? – спросил Свивельд, делая вид, что поднялся размять ноги.

– Флейта намокла, – ответил музыкант, – я её сделал из молодой ивы, у неё хороший звук, но древесина быстро размокает от слюны.

– Особенно если играть с самого утра, – зло сказал Свивельд.

– Это верно, сырость любую древесину испортить может, – произнёс важно Ингвар, – у них там, в нашей погоде, всё быстро намокает, что Ирландия, что Британия, туманные, скользкие и бесноватые. Нарисовали на каждой двери крест и думают, что над их болотами будет больше солнца, хотя надо признать, дичи там полным-полно. Они даже в честь добычи каменные круги ставят, и камни ищут и тащат месяцами до места, потом там молятся. Одно слово – кельты!

– А кельты что? – заинтересовался разговором Бирг, прекратив рассматривать флейту.

– А что кельты? – переспросил, не поняв вопроса, Ингвар.

– А король Дагобер, разве он не прогнал кельтов с побережья Восточного моря? – с непонятной настойчивостью спросил Бирг.

Ингвар пожал плечами:

– Дагобер? Разделался с кельтами и принялся за фризов. Отнял у них Утрехт и Дорнштадт, заключил вечный мир с византийским императором Ираклием и пошёл в Богемию, вместе со своими данниками баварами.

– И что? Откуда ты это знаешь?

– Так об этом ещё в прошлом году было известно, что в Богемии и Моравии война франков против моравов и аваров, и туда лучше не ходить, там добычи никакой нет, того и гляди, самого разденут до нитки, и я уже устал от твоей флейты и вопросов, – расвирипел почему-то Ингвар.

– А чего я такого спросил? – тоже начал волноваться Бирг.

– Остыньте уже, чего ругаться? – ухмыльнулся Свивельд.

Он достал из своего узла вяленую треску и принялся сдирать с него чешую. Содрав серебряные кружочки с одного рыбьего бока, он оглянулся, нашёл взглядом Ладри, и сказал ему:

– Есть хочешь?

Увидев, что тот кивает головой, он бросил мальчику в ладони рыбу и достал из корзины другую с словами:

– Плохо подслушивать чужие разговоры, Ладри подслушал разговор Рагдая с Вишеной, и вынул его взять в поход.

– Я тоже подслушивал на пиру у Эймунда, как наш Эйнар уговаривал Сельму, служанку ярла, пойти на сено, в коровник для утех, – сказал, пожимая плечами Ингвар, – а вот эти две чайки тоже подслушивают наш разговор и им тоже весело, как мне тогда.

Действительно, несколько больших чаек, пронзительно крича, следовали за кораблём. Они раз за разом ныряли в волны за рыбой, выхватывали её из воды, глотали её, взмывали вверх, опираясь длинными, узкими крыльями на потоки встречного ветра. Они кружились, почти касаясь крыльями воды, снова взлетали горкой вверх и ныряли снова в ленивые волны. Солнце тем временем уже коснулось полосы далёкого тумана. Где-то за ним были южные берега Восточного моря, устье Западной Двины. Справа чернели скалы Змеиного острова. Вытянув шею, туда напряжённо всматривался кормчий Гелга. Он внимательно посмотрел на положение паруса, пузыри за кормой, и крикнул зычно через весь драккар конунгу Вишене:

– Если ветер не переменится, нас снесёт на Готландский остров!

Все викинги привстали со скамей, бросив дрему и свои мелкие занятия, повернув головы к острову.

Вишена, прервал разговор с Рагдаем, оглядел небо, драккар, Ладри жадно поедающего рыбу. Потом он крикнул Гелге, махнув рукой:

Идём как раньше, сейчас боковой ветер переменится. Обходить остров с севера не будем. Ночью лучше увидеть на свободной воде лодки прусских рыбаков, чем корабли данов, ведущих охоту на торговцев.

– Хорошо! Как пройдем остров, пусть кто-нибудь меня сменит, – ответил Гельга, навалившись животом на весло, стараясь удержать драккар от скольжения вправо.

– Тебя сменит Хринг, – крикнул Вишена.

Волнение, вызванное заявлением Гелги улеглось, когда все увидели, что Вишена оказался прав, предчувствуя, что северный ветер, отражаясь от скал острова, создает завихрение, меняющее направление на противоположное. Драккар перестало нести на остров, а наоборот, от него. С учётом бокового течения, направление движения осталось без изменений, и Гелга расслабленно отпустил кормило. Свивельд удовлетворённо выдохнул и тоже сел на своё скамью, довольный тем, что не придётся братья за вёсла.

– Ну что, Ладри, нравится тебе наш корабль? – спросил он мальчика.

– Да, он такой большой и широкий, больше, чем корабль отца, – ответил тот.

– Тебя никто не будет теперь оберегать. Ты можешь погибнуть в первом же бою от стрелы, или утонуть в холодной воде, если нас разобьёт в шторме о камни, или тебя захватят торговцы людьми, если ты отстанешь в толпе на рынке или на торговом причале. Что ты умеешь делать, как ты будешь нам полезен, чтобы мы кормили тебя и защищали?

Мальчик съёжился, словно от мороза, и перестал жевать. Его белые ресницы задрожали, и он ответил тихо:

– Я умею воровать тайком.

– Вроде ты идёшь по лесу тихо, как лис, но при этом сам становишься глух, как камень, раз тебя схватили на тропе, – с усмешкой сказал Свивельд.

– Я знаю фризскую речь, – робко сказал мальчик.

– Я и сам её знаю, она не сильно отличается от нашей.

– Я могу пролезть в самые узкие расселины между камнями, как рысь.

На это Бирг сказал с улыбкой Свивельду:

– Значит, он может нам пригодиться. И дай ему одно своё одеяло, ночью будет холодно.

– А правда, что книжник Рагдай был в Константинополе и видел императора Ираклия? – спросил мальчик, разглядывая тонкую вышивку на вороте рубахи Свивельда.

– Он видел императора Ираклия, сенаторов, порт с каменными причалами, а бухту там на ночь там перегораживают длинной железной цепью.

– А правда, что ромеи с корабля выстреливают огонь, он далеко летит над водой, и сжигает корабли врагов и горит даже вода вокруг?

– Да, есть у них огненные трубы, и они выбрасывают огонь очень далеко и с ромеями лучше не связываться. Иди-ка ты к умному старому Гелге, он любит рассказывать. Он тебе расскажет про мировой ясень Иггдрасиль, волка Фенрира, войну богов асов и ванов.

Ладри понял, что Свивельд гонит его. Поджав губу от обиды, он встал на ноги, и переступая через скамьи, ноги, вёсла, направился на корму. Эйнар дремал, прислонясь щекой к мачте и обняв её, рыжебородый великан Хринг лежал, сжавшись в комок, словно был ранен в живот, Вольквин сидел над горшком, пытаясь облегчиться, молодой Овар положил затылок на спину Торна, и закрывал глаза локтём от ветра, стараясь заснуть.

Вишена стоял под головой дракона, искусно вырезанной очень давно умельцем с Хёльге. Говорили, что эта голова стоял до этого на другом драккаре. Он принадлежал кому-то из Инглингов, пока не разбился о камни во время шторма у Британии. Потом эта голова из ясеня была куплена конунгом Гердриком, и установлен на знаменитый драккар Длинная Молния. После его смерти от руки подлого убийцы, и возвращение украденного у него золота его дочерям, те подарили Вишене этот драккар, но с условием – не появляться в их одле. Теперь драккар Длинная Молния должен был помочь конунгу Вишене Стреблянину, как его называл его верный друг Эйнар, богатство, славу и женщин. Тридцать викингов из разных мест Восточного моря, поверивших в счастливую звезду Вишены, тоже искали этого. Многие из них раньше ходили в далёкие походы в южные моря, многие зарыли на чёрный день у своих домов кувшины с серебряными монетами, но никто пока не мог позволить себе купить собственный корабль для торговли, или стадо коров на побережье франков и завести там семью.

– Скучаешь уже? – спросил у Вишены книжник Рагдай, опираясь локтём о борт, чтобы легче переносить качку.

– Глупая она женщина, моя Маргит, коварная и думает только о себе, – опустил глаза, ответил ярл, – но я хотел бы снова видеть её, потому, что она всё это делала только из-за любви ко мне, клянусь Фригг!

– Ты уверен?

– Не пытайся меня с ней поссорить больше того, что есть, книжник. Знаю я твои греческие знания Аристотеля и Платона о природе вещей, и из них ты сейчас построишь не нужные мне заключения.

– А какие заключения надо строить, если тебе пришлось раньше времени покинуть зимовку и отправиться в поход без нужных припасов и договорённости о помощи другой дружины в случае беды?

– Она не виновата! И хватит об этом! Лучше опять вернись к рассказу о золоте Сины. Что ты говорил про золото, оно досталось византийцам, фракийцам, сарматам?

– Оно не досталось ни тем, ни другим, ни третьим, – ответил Рагдай, поднимая руку и дотрагиваясь до почерневших чешуек на шее дракона, – об этом я и хочу рассказать.

– Так говори, говори, – сказал Вишена и тряхнул кудрявой головой, – ты всё время обходишь самое главное.

– Просто ты проявлением своей жизненной энергии мне мешаешь закончить рассказ. Первый раз ты полетел за Маргит на крыльях любви и закончил всё дракой с её братьями. Второй раз тебе нужно было спрятать Ладри от глаз людей ярла Эймунда. Тебе всё некогда, – проговорил Рагдай, шутивым тоном.

– Говори, быстрее, а то и теперь не успеешь. Вон, впереди два паруса. Может это даны-грабители идут навстречу и нам придётся принимать бой.

– Ты своим драккаром всех данов распугаешь.

– Вижу два паруса кнорров, выходящих из-за острова, – зычно с кормы крикнул Гелга.

– Начну с самого начала, но про другое, про учёного грека Эгидия, – сказал Рагдай и продолжил только тогда, когда увидел, на лице Вишены заинтересованность, – этот Эгидий был из Фессалоник, и учился по книгам древнегреческих мудрецов, и учёных, по трудам Аристотеля, Птолемея, Ктисибия и Архимеда, и Герона Александрийского. Легат и доверенное лицо римского папы Гонория, держал его в качестве советника по разным делам, и посвящал в серьёзные тайны, доверял ему, но однажды открыл слишком много и пожалел об этом. Я тогда пытался продавать в Полоцке свои переписанные книги, и там встретил его. Он подошёл ко мне на причале. Тебе не понять, воин, что значит встретить в краю людей, не умеющих читать, человека не только учёного, но и пишущего труды по разным наукам, знающего механику, гидравлику, астрономию. Это как в пустом океане найти единственный остров...

– Я знаком с твоим одиноким уделом, книжник, – ответил Вишена, – твоя затворническая жизнь в Медведь-горе, среди глухих стрелянских земель, прямое этому доказательство. Мне жаль тебя, ушедшего от людей в пустынную страну книг и размышлений. Живые люди интереснее.

– Нет времени спорить с тобой, мудрец, – произнёс спокойно книжник и продолжил рассказ, – этот Эгидий скрывался в Полоцке от преследователей, людей папы Гонория, решивших его убить из-за тайны, знать которую он был не должен. Это было в прошлом году поздней осенью. Эгидий долго беседовал со мной о философии, астрономии, механических крыльях для полёта человека и о применении паровой машины Ктисибия для вращения мельничных колёс. Мы с ним много говорили. Он по приказу своего господина прошёл всю земли франков, начиная от Прованса, Бургундию, Нейстрию и Австразию до Фризии и Саксонии. Был в Богемии и Моравии говорил с франкским купцом Самосвятом, ещё тогда не королём моравов. Был в плену у аваров, видел, как те впрягают в телеги моравских и сербских девушек вместо лошадей. Кроме нужных вещей он знал Евангелие, разбирался в ядах, метал ножи, и мог раздавить двумя пальцами грецкий орех. Кого страшился, и почему прятался в убогом Полоцке, мне было интересно... И однажды он мне рассказал о своём убитом ученике Зотикосе. Они с Зотикосом жили в прошлом году в Константинополе у порта, много ходили по причалам, рынкам и складам, разыскивая купцов, ходивших в Херсонес, на Кавказ, по Борисфену до хазарского Куяба. Папа Римский Гонорий хотел распространить на те дикие земли латинскую веру, или, хотя бы помешать это сделать императору Ираклию, поборнику восточного христианства. Многие сирийцы и иудеи намеревались идти к Куябу, а оттуда в Янтарное море из-за аваров, перекрывших дороги из Дуная по Янтарной дороге на север. Но это был страшно тяжёлый путь через пороги, степь, кишашую злодеями-печенегами. в среднем течении. Но греки хотели отравиться в хазарский Куяб...

– Город хазар Куяб на реке Днепре расположен, это тупик, оттуда на север хорошей речной дороги нет, только очень тяжёлая дорога через леса и болота. Но к чему ты это рассказываешь, мы идём, вроде, на Эльбу, в Моравию, может, но никак не в Византию и днепровские дебри, – перебил книжника викинг, – ты скажи, где золото?

– Купцы, возившие в хазарский Куяб украшения и забиравшие оттуда пушнину, просили не меньше золотого безана с головы, кричали, что греки занимают места столько, сколько пять кусков шёлка, или три амфоры с вином, и должны покрыть убытки, – не обращая внимания на замечание Вишены продолжал говорить Рагдай, – они тогда нашли большую лодку моноксилу с косым парусом, наняли гребцов и решили идти сами. И вот однажды этот Зотикос, сам из Равенны, вернулся с пристани очень испуганным. Как это у поэта по-гречески...

Знаешь, как дрожит, под небом Фессалии жаркой
Вертит головой и топорщит ноздри матёрый олень,
Учувший страшный запах стаи волков?

Как слезятся его глаза и напрягаются мышцы перед бегом?

– Это торговые ладьи, кнорры с глубокой осадкой! – облегчённо крикнул с кормы Гельга, указывая рукой на два паруса, пляшущих на волнах.

Солнце уже почти скрылось за утёсами Змеиного острова, и своими последними лучами подсвечивало туман над водой, низкие облака на небе, ставшие пурпурными, словно там горели все земли к западу от Янтарного моря. Чайки по-прежнему охотились с громкими криками, а ветер постоянно менял направления из-за близости острова. Наперерез Длинной молнии медленно шли на вёслах и под парусами, с трудом лоя почти встречный ветер, два небольших корабля. Их прямоугольные паруса были сшиты из красных и жёлтых полос, шкаторины парусов были опутаны множеством снастей, а нижние углы паруса крепились к корпусам шестами. На штагах и вантах, сдвинутых в сторону кормы, были привязаны разноцветные ленты, придававшие кораблям вид плывущих ритуальных сооружений. На носу первого из них стояли несколько фигур в свободных восточных одеждах, похожих на жреческие.

– Держи путь на них, Гельга, узнаем, откуда они плывут и куда, – сказал Вишена и, сделав шаг, потрепал спящего с храпом Вольквина за плечо.

– Вольквин, просыпайся и буди всех остальных!

– Даны напали? – с тревогой спросил Вольквин и поморгал рыжими ресницами, пытаясь понять, где он и какое сейчас время, утро или вечер, после чего вскочил на ноги и, пошатываясь, пошёл вдоль борта, будя всех остальных.

– Пусть только торговцы посмеют не остановиться и не рассказать нам всё, что знают, – возвращаясь на нос, сказал Вишена, – захватим их и потребуем выкуп за товары и за людей у владельцев этих кнорров.

– Захватить надо их! – отложив починку обуви сказал Торн, приподнимаясь на скамье и разглядывая вокруг сизые сумерки.

– Эти торговцы, скорее всего египтяне или сирийцы, – отозвался Свивельд уже добравшийся до кормы и зачем-то надевая шлем, – будем захватывать?

– Что здесь вообще сирийцы делают, в восточном море? – спросил Овар, – если мы их не ограбим, то это сделает кто-то другой с криком: 'Ой, смотрите, ничьи сирийцы с товаром сами в руки идут!'

– Не знаю, книжник, чем закончится встреча с торговцами, поэтому расскажи уже до конца про грека своего, – сказал Вишена.

– Слушай дальше, ученика Эгидия, молодого Зотикоса убили за день до того, как они должны были отплыть из Константинополя в хазарский Куяб, – сказал Рагдай, наблюдая, как викинги окончательно просыпаются, тянутся, хрустя костями, пьют воду из бочки, ловко и со смехом через борт, несмотря на качку. Торн, кряхтя, уселся на борт, свешивая сидалище над

водой. Блаженно улыбаясь он начал справлять нужду. Вольквин осматривал свой лук, всерьёз собираясь драться с торговцами.

– Эгидий были в толпе у ипподрома. Весь город ждали начало скачек колесниц, делали ставки на победу той, или другой колесницы. Должен был приехать император. Собралось много людей разных народов и верований. Ждали, что император будет бросать серебряные монеты. Кого увидел в толпе тогда Зотикос, сам Эгидий потом так и не узнал. Только молодой грек побежал, что-то крича... Было очень шумно... Когда проехал император в сопровождении охраны и армянских послов, Зотикос лежал в луже крови с разрезанным животом. Никого рядом не было, только любопытные рабы и нищие. Он шепнул: 'Уходи, учитель... Они убьют и тебя'... Эгидия поднял лёгкого, как пушинка, юношу на плечо и понёс. У городских терм он увидел, что за нами идут трое людей в тёмных одеждах, похожих на одежды христианских монахов. Эгидию удалось перехитрить их и спрятаться на стройке. Юноша умирал, истекая кровью...

– Зачем ты мне всё это говоришь? Про золото когда я услышу, где оно? – Вишена пожал плечами и поставил ногу на борт между щитами, приняв величественную позу. Его должно было быть хорошо видно с торговых кораблей, подошедших уже совсем близко. Рядом с ним встал Вольквин, держа наготове лук, Эйнар и Торн с копьями в руках. Бирг поднял большой рог тура и затрубил. Это уже была не нежная фраза ивовой свирели, это был рёв разгневанного неведомого чудовища.

– Эй, вы, на кораблях! Вёсла выньте из воды! С вами будет разговаривать конунг Вишена из Страйборга! – закричал Свинельд.

Рагдай сел на скамью, выглянул из-за щитов и сказал:

– Я плохо знаю мореходство, но мне кажется, что ветер слишком сильный, похоже на то, что шторм неминуем.

Он окинул взором низкие, плотные облака, быстро выползающие из-за скалистых утёсов, подставил лицо холодному ветру. Купеческие корабли оказались совсем рядом. Немного помешкав, гребцы на кноррах подняли вёсла вертикально, и там стали разворачивать паруса вдоль ветра, снижая скорость. Было видно, что корабли сильно нагружены, тюки с товаром, покрытые рогожей, оставляли совсем немного места лишь для гребцов и нескольких воинов на носу и корме. На носу первого корабля стояли двое черноволосых и чернобородых человека в просторных малиновых балахонах, отливающих золотой нитью, украшенных цветной тесьмой, в высоких шапках. Длинные изогнутые ножи за накрученными поясами на живота выдавали в них сирийцев или египтян.

– Да хранит вас Господь наш Иисус Христос! – крикнул один из них по-гречески, поднимая ладони к небу.

Второй торговец что-то говорил пятерым воинам в кольчугах и шишковатых шлемах, с луками, собравшимся около мачты. Гребцы тоже вынимали из-под рогожи оружие, не складывая, однако, вёсел, готовые в любой момент бросить их в воду, и пуститься в бегство. Это было странно, потому что пузатому кнорру было всё равно не уйти от драккара в открытом море, а сорок викингов без труда разделались бы торговцами, даже если все их пять воинов были берсерками.

– Я торговец Адад из Антиохии! – крикнул один из сирийцев, сильно коверкая норманнские слова, видимо старший из сирийцев, – я везу соль, оливковое масло, перец, ладан, ткани и вино. Иду в Бирку. Чем я могу услужить славному конунгу?

Вишена обернулся к Эйнару и сказал мрачно:

– И что, мы нападём на них?

– Постой! – округляя глаза воскликнул Рагдай, хватая Вишену за рукав, – ты чего, с ума сошёл, у нас впереди охота за несметными сокровищами, а ты хочешь поменять их на несколько тюков специй и тканей. Чьи эти товары, может, они оплачены уже Инглингами, куда

ты с ним потом денешься? Сам будешь торговать? А потом прятаться, или воевать со всем Восточным морем? А людям своим ты сколько заплатишь, по одному золотому безану? Они уйдут в другие дружины. Я не говорю уже о том, что в возможном бою могут быть погибшие и раненые. Не стоит этого делать!

– Согласен, – сказал Вишена, вздыхая.

Вольквин разочарованно снял с головы шлем, приглаживая на вспотевшем лбу рыжие волосы. Рагдай удовлетворённо кивнул. Он встал у борта и стал по-гречески разговаривать с сирийцами. Узнав, где они перегружали товары, занимали корабли и команду, и всё, что было связано с делами на южном побережье Янтарного моря. Война франкского короля с аварами сказала на торговле в устье Одера, Эльбы и Западной Двины в лучшую сторону. Все сухопутные маршруты из верховьев этих рек на юг, в сторону южных морей оказались перерезаны, и все товары пошли сначала в Янтарное море, а потом вокруг Европы, через Атлантический океан. Пока Рагдай, перекрикивая ветер, с трудом объяснялся с сирийцами, Ладри, сжимая в руках недоеденную рыбу, сидел на мачтовом упоре на мотках канатов и бледнел от мысли, что Вишена сейчас его пересадит к этим чернобородым торговцам и отправит к отцу, а они его потом просто похитят. Ему мерещились уже рабские колодки, клетки, изнасилования и голод. Пока он дрожал от сырости, холода и страха, стемнело окончательно. Гелга, мокрый от пота, несмотря на помощь Хринга, больше не мог удерживать драккар рядом с кноррами. Несколько вёсел, опущенных в воду с левого борта, парус, с трудом развёрнутый вдоль ветра, больше не могли удержать драккар. Новый порыв ветра бросил кнорр сирийцев на драккар. Истошно завопили сирийцы и их гребцы. Казалось, что столкновение неизбежно, корабли ударятся бортами и если и не сломают их толстые доски, то точно разобьют места их креплений и получат течи. Корабли опасно сблизилась, то вразнобой, то одновременно качаясь на водяных холмах.

Чтобы избежать столкновения, пришлось упираться вёслами в борта и отталкиваться друг от друга, пока кормчие, получив подмогу, не смогли снова управляться с судами на безопасном расстоянии.

Рагдай встретился взглядом с Ладри и понимающе кивнул ему. Ладри стоял, обнявшись с мачтой, ходившей ходуном из-за ветра и качки как раз там, куда опускался парус. Мальчик, наверное, был единственным на корабле, кто обрадовался начинающейся буре, прервавшейся разговоры о его возможной передаче торговцам. Теперь уже нельзя было отправить его обратно. Буря этого не давала сделать.

– Чего стоишь столбом? Тяни этот канат, помогай! – крикнул ему Овар.

– Вишена, что делать, повернуть обратно, или обходить остров с подветренной стороны, рискуя удариться о скалы? – перекрывая вой ветра, закричал Гельга, вместе с Хрингом навалившись на рулевое весло.

– Нас несёт на камни острова, и ничего не поможет, если мы повернём назад, нас точно разобьёт, мы не успеем миновать остров и обойти его с севера! – закричал ему в ответ Вишена, – идём вперёд, чтобы ветер нёс нас на запад мимо острова! Держи нос на юг, а мы правым бортом будем грести, разворачивая корабль бортом к ветру, чтобы он нёс нас мимо острова с юга со всей силой! Если ты не удержишь руль, нас развернёт вдоль ветра и скорости не хватит пересилить течение, и нас разобьёт!

– Откуда взялась эта буря, для Восточного моря это неправильно, клянусь дарами Фрейи! – отозвался Эйнар, сидящий вместе с Биргом у правого борта на одной скамье и готовясь грести.

– Для Восточного моря это как раз правильно, буря весной, – ответил Ингвар, садясь на следующую скамью.

– Да что ты говоришь! – возмутился Эйнар, – ты путаешь с северным морем.

– Нет!

– Путаешь!

Тяжёлая медленная волна ударила прямо в нос драккара, разбилась, поднялась к драконьей голове, наливая пену, и рухнула внутрь, накрыв пеной и брызгами спорящих и всех остальных. Рею, уже опущенную вместе с парусом, при этом резко развернуло вдоль корпуса, и несчастного Овара, Бирга и Ладри чуть не выбросило за борт. Гелга и Хринг, однако, устояли на ногах. Хринг до этого куском каната привязал конец рулевого весла через проушину последнего весла у кормы к борту и ею привязался сам. Хринг тоже так сделал. И теперь трудно было сказать, кто кого держит, кормчие кормило, или кормило кормчих. Но сейчас, когда важно было не дать драккару повернуться кормой к ветру, позволяя течению беспрепятственно нести его на камни, это было хорошим решением.

– Началось! – крикнул Вишена, вцепившись руками в борт, – пусть все свяжутся верёвками по двое, привяжутся к скамьям! Привяжите рею с парусом к бортам, пока она нас всех не перебила!

Ещё одна волна пронеслась над ладьёй, смешав в одну кучу людей, пожитки, клетки с курами. Берега моря, остров, небо, исчезли. Вокруг стояла чёрно-серая стена тумана и брызг. Если привычный мир ещё существовал, то только в воображении людей. От каждого теперь зависело всё, и не зависело ничего. Их труд, умение и отчаяние в любой момент могли оборваться из-за коварного шквала, пришедшего с востока. Скалы острова были слишком близко, чтобы исправить курс, если вдруг рулевое весло сломается, вырвется из рук, гребцы прекратят грести из-за волн, или люди, черпающие вёдрами воду со дна за борт, остановятся, и осадка корабля увеличится. Вокруг драккара с тяжкими вздохами поднимались и опадали стены пенной воды. Корабль, то падал в бездну, так что люди в невесомости не чувствовали своих тел, то взлетал к самым облакам, где его не доставали даже брызги. Он кренился, дёргался как поплавок, захваченный рыбой, содрогался, трещал, и никто не мог с уверенностью сказать, куда и как – бортом, кормой или носом он плывёт, только седобородый Гелга сейчас знал это.

Вёсла правого борта бешено гребли, иногда повисая в воздухе, иногда с треском ударяясь друг о друга. Свивельдом и Ацур при этом хладнокровно затягивали концы вант, болтающиеся за бортами, и складывали их вдоль уложенной между скамьями реи с парусом. С трудом различая во мгле лицо Рагдая, Вишена бросил ему конец верёвки. Когда тот быстро обвязал её вокруг пояса, викинг крикнул:

– Слышишь звук, словно сталкиваются скалы? Это близкий прибой! Пена теперь серая, в ней щепки, ветки и сор. Значит, мы миновали самую подветренную сторону острова, откуда весь сор сразу уносит! Если дальше так пойдёт, мы спасёмся! Я уверен, что это Маргит наколдовала нам шторм, послала вслед проклятие. А может, это бог Один гневается на бога озорства Локи, укравшего опять что-то. Непростой это шторм.

Драккар бесконечно долго швыряло и встряхивало, но вот, наконец, что-то неуловимо переменилось в вое и свисте ветра, и грохоте волн. И тогда крик Гельги, истошный, свирепый, словно он в тяжёлом бою поразил насмерть кровного врага, заставил Вишену, как и всех викингов, привстать, вглядываясь туда, куда простирали руку кормчий. В разрыве волн, сквозь ключья пены они скорее чувствовали, чем увидели чёрные скалы Змеиного острова, оставшиеся за кормой. Это значило, что они спаслись в буре.

Глава шестая. Моонзунд

Ночь кончилась как-то сразу и вдруг. Драккар вышла из-за острова Несс – коварной песчаной косы, то появляющейся, то исчезающей год от года в зависимости от штормов и ветров. Облака разомкнулись, и всё оказалось под слепящим утренним солнцем. Яркие блики пробежали по водной глади, прыгнули через борт, заплясали по оковкам щитов, кольчугам, копьям, отразились в глазах викингов, глядящих с надеждой на цепь пологих островов. Справа и слева, в синей дымке отчётливо были видны полосы берегов янтарного залива поморских племён пруссов и ливов. В залив с юго-востока впадала полноводная Янтарная река или Западная Двина, как её называли стреляне-голядь и прочая литва. Множество других её названий можно было перечислять долго. Каждый народ или племя, приходившие сюда за необыкновенным горючим камнем, прозрачным и блестящим, похожим на слёзы богов, давал этой реке своё имя. Идти к устью реки смысла не было. Не это было целью захода в залив. Сюда должен был прийти со своими воинами Стовов Богранородец. После встречи путь всего войска лежал к Одеру. Драккар мог находится посреди залива неограниченное время, но в случае штормового ветра, ему следовало все же пристать к берегу. В это время в туман, корабли князя Стовова могли оказаться вне видимости и пройти к устью реке.

Решив, в конце концов, что всё, что он может потерять в этом случае, это несколько дней на поиски княжеской рати, Вишена успокоился. Пресная вода, солёная треска, вяленое мясо и зерно у них были в достатке. Вокруг на воде виднелись рыбацкие лодки, несколько парусов на горизонте принадлежали торговцам, берега курились очагами беззащитных деревень пришлых и местных семей разных племён. В этом оживлённом месте всегда можно было рассчитывать на поживу. Единой власти и хорошо вооружённых крупных отрядов здесь не было, а если бы были, угадать где, на какую деревню нападут с моря викинги, было невозможно. Такое нападение могло произойти раз в несколько лет, и содержать военный отряд для охраны всё это время было слишком накладно. Это намного превосходило цену того, что могли забрать викинги. Проще было всё ценное держать в тайниках, а самим убежать в лес при нападении, благо даже зимой в нём можно было находиться долго и не погибнуть от морозов как в Биармии. А уже в лесу, где навыки морского боя и решительного сражения любых норманнов были сведены на нет, лесное братство могло взять верх или просто избежать потерь.

Первым и главным свойством и делом становилось, таким образом, хорошее зрение в сумерках и темноте, запасливость, выдержка и коварство. Можно было ещё откупиться от разбойников-викингов или платить постоянную дань, для того, чтобы деревню не трогали. Мало кто из викингов приходил за данью потом два года подряд. Смерть во время набегов, во время штормов, болезни, междоусобицы, отбытие в другие моря часто и быстро освобождали данников от обузы. Конечно, случалось, что нападали другие викинги, не те, что получали дань, но всё равно гибель и ранение своих мужчин в бою, пусть даже после победы, приводили селение в запустение и бедность, потому что большая часть блага производилась руками мужчин. Рыба, мясо, зерно, мёд, кони, лодки, древесина для домов, утвари и обогрева, соль, дёготь, кожа и мех для одежды, янтарь для обмена на железные вещи, ткани и стекло. Гибель, ранения мужчин превращали их женщин и детей в добычу для любых, даже самых слабых врагов.

Поэтому Вишена был уверен в том, что ему удастся без проблем прокормить свою дружину на этих берегах до подхода князя Стовова, чего не получилось бы, например, на Хёлге и Готланде из-за большого количества там всевозможных конунгов и ярлов, обладающих возможностью быстро собирать ополчение своей семьи, где каждый мужчина был хорошим воином со своим отменным оружием, а каждая семья как правило имела корабль. Пусть не драккар или снеккер, но достаточно вместительный, чтобы выйти на бой. На родине детей в частые голодные годы уносили в лес, или просто кидали в ямы умирать, убивали стариков из-за невоз-

возможности их прокормить. Сам Вишена кроме драккара и оружия не имел ничего, его воины тоже. Им некуда было возвращаться, их семьи отвернулись от них по разными причинам. Многие семьи были порабощены соседями или вымерли от голода и болезней. Их отчаянные походы вызывали у соплеменников пренебрежение и усмешку, и это сильно отличалось от того, как жили народы южного берега Восточного янтарного моря. Целые семьи и рода бежали от смерти и рабства из страны, где перестали действовать древние справедливые обычаи, а богатый человек имел больше прав и возможностей чем бедный. Возвышение богатых в ущерб бедным, и признание этого римского способа жизни правильным, заставило всех броситься на добывание богатства любым путём. Пока одни занимались этим, попирая древнюю правду, другие бросали свои дома и перебрались куда глаза глядят. На запад, в Англию, Исландию и дальше. На восток в кельтскую Биармию и Пермь, на юг, в Константинополь. Сюда перебрались тоже.

Здесь богатые рыбой и дичью, усеянные янтарём плодородные берега, земли и леса, делали их обитателей менее воинственными потому, что вокруг было так много пустующего пространства, что умирать за них было непозволительной роскошью. Разноголосье и множество разных, не похожих друг на друга племён, расселившихся здесь, только доказывали это. Сюда не добрались древнегреческие герои, не дошли римские императоры, не дотянулись руки византийских базилевсов и христианских Пап.

Счастливая безмятежность исконной самобытности разных народностей смешивались и распространялись отсюда далеко вокруг, за реки и озёра вместе с разными семьями, группами и племенами, уносившими свои умиротворённые говоры, обычаи и искусство. Пока ещё никто из королей не мог сковать единой волей эти земли по Западной Двине. Немногочисленные кельты-венды, первые обитатели этих мест ещё со времён ледников, тихо доживали свой век в глухих местах. Большинство пришельцев даже не догадывались об их существовании. Даже кельтские названия рек, озёр и гор были забыты, потому что не у кого было спросить, и местностям давали новые имена. Иногда приходили высокие, голубоглазые люди из леса, приносили на обмен прекрасные бронзовые вещи, статуэтки, пряжки, ножны, бусы. Иногда их женщины отдавали в семьи ливов и пруссов своих детей, потому, что их нечем было кормить, но в большей степени они уже были больше героями сказок и мифов, чем реальными людьми. Оживлённая торговля янтарём, процветающая тут с древних времён, заставляла появляться здесь арабов, сирийцев и иудеев с парчой, пряностями, рубинами и золотом. Небольшой вес янтаря, давал возможность свободно везти его на юг через верховья Западной Двины к верховьям Волги, или к верховьям Днепра. Направление пути из северных морей в южные при перевозке этих янтарных драгоценностей и мехов, значения не имел, в отличии от того, когда перевозились невольники. Они не требовали еды и воды, не могли убежать и занимали мало места.

– Этот бесконечный, бесконечный мир,двигающийся по кругу... – задумчиво сказал Вишена, облакачиваясь на деревянную шею дракона своего корабля и оглядываясь вокруг.

– Поднимите вёсла из воды! – громко крикнул гребцам кормчий Гелга, – вёсла из воды!

Длинный драккар после этого словно замер и повис в серой дымке над водой. Тишина нарушалась только скрипом верёвок о дерево и тихим плеском.

Серая, свинцовая вода была покрыта кое-где тёмно-зелёными, похожими на заливные луга обширными пятнами. Переплетённые космы водорослей лениво змеились у самой поверхности, укрывали плодovitую салаку и давали ком другой рыбе, отбирали у течения ил, укладывая его на дно. Слева, на фоне полосы островов Моонзунда, виднелись чёрные бруски лодок с фигурками рыбаков. Они извлекали из сетей рыбу, искрящуюся чешуёй на солнце. Над островом Рух, посреди залива поднимались многочисленные дымы коптилен. Оттуда доносился стук топоров, и время от времени слышался шум падающего в лесу дерева. На севере, над Ирбенским проливом, на полпути к небу громоздились горы серых облаков. Их перемалывал и разрывал неуёмный северный ветер и тащил через залив на юг. Движение сизого дымного

шлейфа странно сочеталось с неподвижностью поверхности воды. Только мелкая рябь выдавала её изменчивую природу. На западе и востоке облака висели в небе плотными массами, уходя за горизонт, как бы продолжая линию берегов. Между ними, в разрывах безмятежно синело глубокое небо, напоминая о существовании бесконечной неги, покоя и воли.

– Если облака сделать красными, то это будут столбы ворот в Муспельхейм – пылающий мир! – сказал Свивельд, запрокинув голову вверх.

– Это может оказаться пророчеством, – ответил ему Рагдай, облокотившись о борт, – не скажу, что нам предстоит пройти через страну мёртвых и подземных чудовищ, но Европа не является благополучной территорией, да никогда ей и не являлась, только отдельные места, но нам не туда...

– Ты хочешь сказать, что мы все умрём? – спросил его Вишена, стоящий под деревянной головой дракона так, что казалось – за его спиной открываются небесные врата и именно в них идёт драккар.

– Мы без потерь пришли к месту встречи, – сказал Свивельд, – кажется, всё хорошо, и больных нет и течи между досками нет.

– Главное, не размениваться на мелочи, никого не захватывать, не приставать к берегам у рыбацких селения, а просто ждать здесь князя Стовова с его ратью, – сказал Рагдай и пристально уставился на Вишену, ожидая одобрения своим словам.

Конунг неопределённо пожал плечами и ответил:

– Здесь вокруг янтарные прииски и много вооружённых купцов. Но всё добытое они прячут в кладах. Ремесленных и торговых городов тут нет. Кругом полно рыбаков, но они даже соли не имеют. Сушёная рыба меня не интересует. Я даже не могу спрятать оружие, оставить десятерых на вёслах, остальных укрыть парусом и притвориться купцом. Мой огромный драккар, это корабль войны, и товары на нём по маленьким рекам и волокам не возят. Мы просто будем у всех на виду кружить в середине Янтарного залива у Руха, может быть пристаём к нему.

Рагдай оглядел согласно кивающих воинов и сказал:

– Хорошо, что ты так думаешь.

После того, как драккар обошёл несколько раз остров Рух, таща за собой на киле шлейф водорослей, его начало медленно сносить течением и ветром на юго-восток в сторону. Берега, то появлялись, то исчезали вокруг. Солнце было скрыто почти всё время скрыто. Если бы не с намагниченная игла на коре в горшке с водой маслом, можно было бы подумать, что Гелга ошибается и снова правит через Ирбен в открытое море. Несколько раз приходилось грести, чтобы подменить парус, не успевающий за поворотами резко меняющегося ветра. Вёсла по команде кормчего ударяли дружно, чуть поскрипывая в уключинах. Гребцы с недоумением смотрели на воду, то прозрачную как слеза, то коричневую и вязкую, похожую на разжиженную глину. Она иногда была полна прошлогодней листвы, сухой хвои, сучьев, камыша. Плавали целые деревья, бревна, жерди, вязанки соломы, дохлые мыши, рыбы, обрывки рогож... По соседству с перевернутой пробитой лодкой, похожей на мёртвого тюленя, покачивалась берестяная колыбель. Пустая и жуткая, она баюкала бесформенный серый кулёк, растерзанный птицами. Всё это было похоже на место множества недавно произошедших кораблекрушений. Несколько лодок-монокилов, низко сидящих в воде, медленно, беспорядочно двигались среди этих останков. Молчаливые люди в кожанной одежде и на лодках, из воды цепляли крюками разные предметы, подыскивали себе, подолгу возились с непонятной добычей. Чаще всего они бросали её, а потом продолжали движение.

Поравнявшись с одной из лодок, с драккара стало видно, как мальчик и старик в просмоленных кожаных рубахах вылавливают из солёной воды залива распухших утопленников. Они снимали с них кольца, браслеты, гривны, бусы. Иногда одежду и обувь. Пальцы и кисти рук приходилось зачастую рубить, что они и делали с помощью большого ножа-сакса, с лезвием

отливающим волнистыми сизыми рисунками. На дне их лодки было полно мокрого тряпья и обуви.

– Что за мертвецы в воде? – перегнувшись через борт, спросил у лодочников, старика и мальчика, Эйнар, смешивая фризские и свейские слова.

Ни один, ни другой, не подняли голов, несмотря даже на то, что драккар закрыл их своей тенью. Они были заняты тем, что пытались стянуть кольцо, видимо серебряное, с пальца покрытого пятнами, безглазого женского тела.

– Стервятники! – сказал Эйнар.

Выпрямившись, он стал вынимать из клетки с курами жердь, чтобы дотянуться до людей в лодке. Рагдай остановил его со словами:

– Они не понимают тебя.

– Они похожи рогов или на финнов, – сказал Вишена, – у нас Ладри хорошо знает их язык, потому что вечно путался с детьми рабов-финнов в Викхейле.

Мальчик только улыбнулся в ответ и стал пробираться к тому борту, где была лодка. Вишена сделал знак гребцам с другого борта, чтобы они не показывались и не открывали численность дружины. Между сундуками и корзинами Ладри пробрался к борту и конунг взял мальчика за плечо, спросив:

– Ты чего смеёшься?

Ладри потупился, а за него ответил обычно дремлющий Ацур, старый воин, с седой бородой, шрамами на лице и вечно прищуренным взглядом:

– Он счастлив, что смог понадобиться тебе, конунг.

– Да? – удивлённо спросил Вишена, подозрительно всмотрелся в Ацура и сказал, – пусть он спросит их, откуда утопленники.

Ладри начал спрашивать их. После того, как старик отсек утопленнице палец, он поднял на Ладри белёдые глаза и хрипло сказал:

– Бог Перкунас вас храни!

– Это ливы, – сказал после этого Ацур, – их говор.

Лив бросил палец отрезанного трупа на дно лодки вместе с кольцом, в кучу добытого добра и вытер ладони о живот. Мальчик из лодки крикнул в ответ:

– Реки Шкеде, Ага, Гауя, Амата из-за неожиданного весеннего паводка вышли из берегов и смыли селения! Всё затопило! Всё смыло!

– Много снега, льда, дождя сошло! – добавил старик, – это был поток камней и земли. Сколько рыбы погибло и бобров! Почему боги так не любят бобров и форель? Несчастные бобры! – старик обернулся к мальчику, – Исмар, вон там ещё один...

Мальчик оттолкнул шестом тело женщины, не желающее отдаляться от лодки, вытянув тощую шею, встал, и стало видно, что его правый рукав по локоть пуст, как у вора, наказанного ливскому закону.

– Ищи иудеев, они побогаче, торговля янтарём на их востоке дело прибыльное! – сказал ему старик, – а тебе, друг с драккара, я охотно всё расскажу, – ливонец пугающе улыбнулся Ладри, обнажив ряд абсолютно гнилых зубов.

В сочетании с дряблой, серой кожей, мутными, как вода залива, глазами, срывающимся голосом, он производил отталкивающее впечатление. Его малолетний однорукий спутник тоже не внушал доверия.

– Какой у вас хороший, дорогой корабль! – сказал после долгой паузы старик, рассматривая внимательно золотые и серебряные украшения Вишены – кольца, браслеты, нашийный обруч из трёх полос, подвеску с молотом Тора, и наплечную застёжку плаща, и голос его стал сладок, – мой молодой господин не желает ли со своими спутниками, утомлёнными странствиями, отдохнуть в нашей деревне? Она не пострадала от наводнения, я там старейшина. Есть вино, красивые девушки поют и танцуют. Поедите вволю, выпитесь, и не дорого всё!

Когда Ладри растолковал викингам предложение фриза, со всех сторон послышалась разговоры о том, что перед тем, как идти вглубь европейских рек в неизвестность, неплохо было бы развлечься и выпить вина.

– Отчего бы нам не подождать Стовова в гостеприимной деревне, оставив здесь в дозоре лодку? – предложил Эйнар, – баню сделаем, помоемся.

Его поддержали Свивельд, Гелга, Вольквин и остальные. Было видно, что Вишена колеблется. Неизвестно, сколько времени нужно ждать подхода рати Стовова, тем более, что прибытие рати из Тёмной земли вообще не было точно определённым событием. Уверенность в этом Рагдая не было прочным для этого основанием. Множество обстоятельств, возникших за зиму, могли сделать невозможным поход Стовова на запад. Тёплые жилища вместо промозглого ветра, сохранили бы силы дружины, для случая, если им придётся действовать без Рагдая по собственным соображениям, охотиться за добычей и сражаться за неё неизвестно где, и не известно с кем. Вишена закрыл глаза, побледнел и сосредоточился. Казалось, что он желает услышать, как солнечный свет проходит сквозь влажный воздух. Наступило всеобщее молчание. Только сопели от напряжения воины, удерживающие крючьями лодку ливов, чтобы её не сносило течением. Ладри вертел головой, не понимая, что происходит, а фриз застыл в ожидании, Гельга прикидывал расстояние до берега острова Рух и до Моонзунда, Ацур уже цеплял к поясу меч и нож, уверенный, что конунг примет предложение. Возможность сойти на берег устраивала всех. Неожиданно Рагдай перестал рассматривать свои руки, доски под ногами, очнулся и поднял глаза на Вишену. В глазах его была боль и испуг. Он явно что-то увидел своим колдовским внутренним взором.

– Ладри, спроси фриза, хватит ли у него на всех смертельного яда? – обратился книжник к мальчику.

– Яда? – удивлённо спросил конунг.

– Какого яда? – пробормотал Ладри, наблюдая, как ливы осторожно сняли с борта своей лодки железные кошки и начали грести прочь от драккара.

– Скажите, у вас много смертельного яда? – крикнул им Ладри, но они сначала вяло, как бы пробуя вёслами воду, а потом всё быстрее и быстрее начинают грести прочь от лодки, отчаянно, словно спасая свою жизнь.

– Чего они испугались? – спросил Свивельд, оглядываясь по сторонам.

– Они знают нашу речь и услышали, что сказал про яд Рагдай. Наверно они хотели нас всех отравить у себя в деревне и забрать наши драгоценности, оружие и драккар. Колдун Рагдай прочитал их мысли и они убежали! – ответил ему Бирг, хлопнув себя ладонью по лбу.

– Правильно решили – Рагдай колдун! Я тоже почувствовал западню... – задумчиво сказал Вишена.

– Нужно убить их, ливы хотели нас отравить! – заорал Гелга яростно и бросившись к оружию, схватил лук со стрелами.

Лодка ливонцев была уже довольно далеко. Она спешно двигалась в сторону других лодок. С них тоже собирали уопленников. Увидев, что происходит около странного драккара, кружащегося у Руха, остальные лодки бросили своё занятие и тоже стали отчаянно работать вёслами. Прежде чем Ацур выдрал из рук Гелги лук, старик-кормчий успел выпустить две стрелы. Одна из них пробила старосте плечо. Увидев в мутной воде несколько стволов затопленных деревьев, Вишена посчитал опасным гоняться, не глядя, за юркими лодками и приказал воинам сложить вёсла обратно на палубу. Гелга вернулся к кормовому веслу и принялся опять удерживать корабль от сноса в сторону течения с помощью паруса.

– Жалко, что не получилось с баней и женщинами, – прошептал Эйнар.

Ливонские лодки, отойдя на безопасное расстояние, остановились. Было слышно, как люди на них перекрикиваются. На одной из лодок полыхнул огонь, выплунув в воздух жирный чёрный дым, погас, потом вспыхнул снова, опять погас, вспыхнул ещё раз. Каждый раз вверх

поднималось облако дыма, образуя некое сообщение тому, кто мог его читать. Пронзительно засвистела свирель, ей ответили издали другие.

– Они подают сигналы своим на берегу, – сказал Ацур, – неужели они нападут на нас?

– Не думаю, они не воины, а змеи! – ответил Вишена, сошурив зелёные, как еловая хвоя, глаза, – стрелы только зря хорошие потратили.

– Почему они так не похожи на нас? – спросил у него Ладри, глядя снизу вверх.

Вишена вдруг понял, что мальчику доставляет радость стоять под ветром рядом с настоящим викингом. Он улыбнулся Ладри, будто своему сыну и сказал:

– Тебе нужно многому обучиться, иначе ты погибнешь в первом же бою или в шторме. У Ацура нет семьи и детей, пусть он тебя обучит всему, что должен уметь викинг.

– Я должен его обучить быть викингом? – удивлённо переспросил Ацур, но было видно, что он польщён выбором конунга, его, как наставника для сына ярла из Викхейля.

– Да, ты опытный воин, Ацур из Вендена, тебя хранят боги, тело твоё покрыто шрамами от ран, имя твоё известно по всей Скании и Норрланду, – сказал Вишена.

– Хорошо, я буду его учить, – сказал Ацур, – пусть он мне будет на время похода как сын.

– Я согласен, – сказал мальчик.

– Тебя никто не спрашивает, – с улыбкой ответил ему Вишена, – если бы ты не был братом Маргит, я бы свернул шею тебе ещё на берегу.

– Хорошо, – сказал Ацур после того, как Вишена вступил в разговор с Рагдаем о вероятности подхода к обусловленному времени войска из Тёмной земли, – начнём, Ладри, со смешного и простого учения.

– Хорошо!

– Уклонение от стрелы. Ты сможешь увернуться от стрелы? Нет? Слушай. Нужно смотреть не на стрелу, а на стрелка. Когда стрелок натянет тетиву, уклонятся и уходить в сторону ещё рано, он может изменить направление выстрела. Движение нужно начинать, когда он уже отпустил тетиву. Можно сделать быстрый шаг вправо или влево, или упасть на колени, пригнувшись. Движение должно быть таким, чтобы после него можно было выпрямиться с оружием наготове. Если перед тобой неопытный стрелок, то от следующей стрелы уходишь в том же направлении, что и в первый раз. Ведь он подумает, что ты будешь двигаться в другую сторону, и пустит стрелу с этим условие. Опытный стрелок решит, что ты будешь хитрить, и пустит стрелу в то место, куда ты уже отходил раньше. И промахнётся, если ты это учтёшь, и изменишь направление, или способ уклонения.

– Лучше иметь с собой в бою щит! – со смехом сказал Эйнар, сидящий на своём сундуке у борта.

– Всё получится, если враг не ближе десяти шагов, иначе просто не успеть, – не обращая внимания на Эйнара, продолжил Ацур, – если стреляющий ближе, то единственный способ защитить себя от стрелы, это броситься вперед и ударить его раньше, чем он выстрелит. Когда у тебя есть щит, ты должен понимать по полёту стрелы, что нужно быстро закрыть, голову или колени. Когда против тебя много стрелков, надо всё время двигаться как маятник, но сбивая очерёдность движений. Например: право – вправо – влево – вправо – влево – влево – влево. Как муха или комар. Хаотично, чтобы нельзя было угадать, куда ты двинешься. Понял?

Ладри кивнул, открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ацур остановил его. Он сделал несколько шагов к мачте, вынул из одной корзины кусок смолы для починки корабля.

– Теперь я буду в тебя кидать, будто это стрелы, а ты будешь уворачиваться.

Воины, что не спали, с любопытством приготовились наблюдать за неожиданным развлечением. Они отложили свои нехитрые занятия и устали на учителя и ученика.

Перебравшись через клеть, где сонно крутили головой куры, Ладри встал около мачты и изготовился. Он ловко увернулся от первого комка смолы. От второго куска смолы мальчик тоже увернулся, отклонившись в ту же сторону, что и в первый раз. Теперь предстояло самое

сложное – в третий раз в одну сторону было уклоняться уже опасно, Ацур мог кинуть смолу именно туда.

– Молодец, – сказал Бирг, крутя в руках флейту, но не играя, будто не желая осквернить звук её голоса соприкосновением с грязной водой Янтарного залива.

– Стараюсь!

Следующий тяжёлый кусок смолы попал Ладри точно в лоб.

– Плохо! – Ацур огорчился больше мальчика, – ты решил, что я опытный противник, но нетерпеливый, и изменил направление движения уклонения. А я терпеливый. Давай ещё раз!

– Научи его воровать, больше толка будет! – со смехом сказал Вольквин, а остальные засмеялись.

– Пусть лучше шьёт нам одежду и заменяет нам женщин, – поддержал весёлый настрой Торн, – ремесло викинга не для него!

Тем временем Вишена пытался вернуться к ночному разговору с Рагдаем. Но тот всё время рассеянно поглядывал по сторонам, отшучивался, и не сразу всерьёз удостоил конунга вниманием.

– Что, в Ирбенском заливе северные боги вернули тебе ясность ума, конунг? – спросил, наконец, Рагдай, перестав оглядывать горизонт, и снял сырой плащ из грубой шерсти, давая возможность ветру немного просушить его льняную рубаху.

– Мне кажется, мы зря надеемся на приход Стовова с ратью, – сказал Вишена, – он дремучий лесной князёк, пугающийся больших расстояний и неведомого. Не пора ли самим двигаться к Одеру?

– Что так тебя взволновало, ещё утром ты был готов ждать Стовова хоть месяц?

– Река Западная Двина и все ливонские, все прусские реки разлились из-за быстрого таяния снега и льда, в заливе много затопленных деревьев, течением постоянно намывает новые песчаные мели и корабль может получить повреждения...

– Неубедительные причины, этот драккар можно узлом завязывать и таскать не только по мелям, но и по земле, как корыто... – с усмешкой ответил книжник, – просто ты мне не веришь.

– Ещё немного покрутимся тут, к устью Западной Двины приблизимся. Может, захватим проводника и кормчего. Вон там вроде виднеется большая лодка, рыбаки с сетями, – Вишена выжидательно посмотрел на Рагдая, – кстати, ты так и не рассказал мне про золото до конца.

– Монах, умерший у меня на руках, рассказал, что епископ Бэда послал его во главе отряда воинов встретить прибывших их Сины беглых вельмож. Они везли часть золота павшей династии, а за ними по Шёлковому пути гнались убийцы нового императора Тайцзуна. И для тех, и для других, горы и пустыни не были преградой. Беглецы просили покровительства Святого престола, по их сведению имеющего влияние на все дела в Европе, богатство и большие тайные возможности. Папа Римский Гонорий обещал их спрятать от преследования в обмен на часть золота. Легаты церкви погрузили золото и беглецов на вёсельную галеру, и отплыл из Антиохии. Однако до итальянских берегов галера не дошла. Ночью около Крита, командир папского отряда Эгидий и десять его воинов, убили своих товарищей и всех вельмож из Сины. Потом они заставили рабов грести без отдыха к Фессалоникам. Им сопутствовала удача. Их не остановили ни византийские военные корабли, ни пираты. У Фессалоник они затопили галеру вместе с рабами. Наняв подводки с волами, они ушли с золотом в долину реки Марицы, обойдя стороной древний римский Андрианополь. Но видимо Папа Гонорий истово молился о наказании воров и его бог услышал. Среди греческих возчиков и похитителей началась холера. Потом на них напал аварский отряд. Сокровища успели спрятать в пещере, но драгоценные камни, украшения, золотые и серебряные монеты захватили кочевники. Они не стали вывозить золото, а оставили большой отряд для его охраны. В составе сокровищ было и ещё нечто: золотой шар размером с голову... Эгидий был весьма учён, и аварский хан не убил его, а после выздоровления взял его к себе в услужение. Но Эгидия выкрали однажды

люди епископа Беды. Они пытали его. Они хотели узнать, где находится золото и золотой шар. Эгидий обещал показать место, где авары прятали сокровище. По пути он сбежал, скрывался в хазарском Куябе на Днепре, но люди Бэды выследили его и там. При попытке захватить его ещё раз, он вскрыл себе вены.

– Значит, золото на реке Марица?

– Не совсем...

– Но оно точно у аваров?

– Похоже, что так, и оно не у кагана авар, ни хан Кубрат, ни хан Альцек не оставили бы в горах, далеко от своих укрепленных хрингов, от столицы в Темеше.

– А тебе зачем это золото, ты, вроде, всё больше знаниями интересуешься и всё мирское презираешь, кроме книг?

– Золотой шар – вот что мне нужно из этого золота. На нём, говорят, изображены все земли мира, как если бы их увидел создатель сущего! Папа Римский за него, наверно, собор святого Павла отдаст, когда его, конечно достроит...

– Ценная вещь, этот шар, раз она так нужна Папе Римскому. Это, наверное, что-то вроде волшебных вещей, что отдала нам Мать Матерей, когда мы ходили с тобой в Урочище Стуга на Протве в прошлом году, – в глазах Вишены появился хищный блеск, – сколько там золота, как ты думаешь?

– Тридцать больших сундуков, вроде. Волшебные вещи Матери Матерей сделали в Тёмной Земле столько бед, попав в твои руки, что там даже погода теперь другая, то есть зимой холоднее, а летом теплее, чем обычно... – ответил Рагдай, – если мы добудем это золото, то ты отдашь шар мне?

– Да, хорошо!

– Обещаешь? – Рагдай взял конунга за плечо.

– Конечно! – Вишена вытащил из ножен меч, поднял его к небу и произнёс:

– Клянусь молотом Тора и валькириями, эйнхериями, воротами Вальхаллы, что я отдам шар Рагдаю! – он поцеловал рукоять меча, и уже спокойно спросил, – а золото где?

– Я же тебе уже сказал, в пещере, в известняковой горе.

– А как мы её найдём? – почти закричал Вишена, – кто нам её покажет?

Все сидящие в драккаре викинги повернули к ним голову, и было понятно, что, слыша этот разговор, они тоже не понимали, как можно найти пещеру во фракийских горах, а если и найти, как одолеть аваров, чьё восточное воинское искусство намного превосходило все их умения, не говоря уже об их численности. Три года назад авары собрали огромное войско и осадили великий Константинополь. Только чудо спасло тогда Византию и предательство сербов и моравов. Им казалось, что в появившейся улыбке Рагдая сквозит безумие. Рассказанное им было похоже на бред, родившийся от бдения над рукописями, колдовства и созерцания звёзд. Весь их поход строился на словах этого человека и предположении того, что из тёмной земли придёт большая дружина.

– Золото в пещере, в долине Марицы, точно! Я уверен!

– А мы сможем добраться до Марицы и пещеры без Стовова, и, пребыв охрану, одни захватить золото? – с надеждой спросил конунг, – Стовов будет требовать не меньше трети добычи.

– А две трети кому? – спросил с усмешкой Рагдай, прищуриваясь.

– Мне и моей дружине, – невозмутимо ответил Вишена, наблюдая, как Рагдай сначала закрывает лицо руками, а потом начинает мелко трястись, пока, наконец не заливается безудержным смехом, – а тебе золотой шар, очень ценный!

– Что он сказал смешного? – спросил книжника подошедший мальчик, теребя Рагдая за рукав.

– Уйди, – ответил Рагдай, замахнувшись от него и вытирая слёзы.

– Ладри, не вмешивайся в разговор старших, а когда сам будешь старшим, не вмешивайся в разговор конунгов, – многозначительно изрёк Ацур.

Мальчик неохотно повиновался.

– Вишена, редко кто из конунгов за все свои походы добывал и тысячную часть тех богатств, что может нам достаться, к чему эта жадность? – спросил Рагдай, став совершенно спокойным, – без Стовова нам не удастся действовать в Европе, где идёт война всех со всеми, бушуют болезни, голод и переселяются народы. Нам не удастся вывести всё это золото, а тем более пробиться с ним обратно. А потом, Стовов, мой новый неожиданный друг, хоть и дремучий убийца, но он способен многое сделать для Тёмной земли, построить большие города, наладить торговлю и народить множество здоровых людей.

– Мой дом – драккар, ну и что? – нахмурился Вишена, – это не красивое словцо, у меня, действительно, нету дома на берегу, нет земли, и у моих викингов тоже. Этим мы отличаемся от других норманнов, имеющих земельные угодья, или пиратов, имеющих целые свои города. Нам некуда возвращаться. Нам странно отдавать человеку лишнее золото только потому, что он живёт там, где ты родился и у него есть дом! Ладно, пусть Стовову достанется половина, если ты так хочешь...

Остальные викинги начали высказываться по этому поводу, кто осторожно, кто зло. Отдать половину добычи более сильному, чем они, союзнику, в конце концов, было признано разумным. Не говоря больше ни слова, с видом неизъяснимого сожаления, Рагдай облокотился на борт ладьи и стал рассеянно смотреть на проплывающий мимо поток мутной жижи. Вишена пристроился стоять с ним рядом. Он тоже уставился в воду. Так они стояли довольно долго, невольно прислушиваясь к скрипу снастей и досок корпуса драккара, к плеску воды. Ацур продолжил обучение Ладри вариантам уклонения от стрел, Бирг напевал себе под нос, а Эйнар рассказывал про служанку Сельму. Смысл его рассказа сводился к тому, что он прервал свои с ней забавы из-за ссоры Вишены с сыновьями ярла.

Глава седьмая. Князь кривичей Стовов Багрянородец

Когда князь Всеслав Багрянородец, один из старейшин и волхвов кривичей, и прославленный военный вождь, отец нынешнего князя Стовова Багрянородца, пришёл в эти земли, расположенные от озера Ильмень до многоводной реки Оки, здесь уже жили племена голяди и мокшан. По своему древнему славянскому обычаю не называть врагов их именами, а, чтобы не увеличивать их мистическую силу, давать им прозвища, кривичи прозвали голядь стреблянами, а мокшан стали называть дедичами. Особенно много стреблян было на возвышенностях и в лесах протянувшихся от речушек Аузы и Москвы до рек Протвы и Нары. Мокшане жили с ними вперемешку от Оки до самой Волги. Но от места, где голядская река Москва впадала в мокшанскую реку Оку, и ниже по течению жили ещё племена эрзи. Их лесные укрепленные селения стояли до самой Волги, а несколько городков на Оке носили имя Эрзень. Почти одновременно с кривичами, после наступления тёплых времён, с юго-запада пришли полтески-коневоды из болгарских племён и южно-славянские русы-соледобытчики, с юга пришли славяне вятичи и степняки бурундеи, приглашённые эрзей и мокшадью для защиты от хазар, алан и авар, и другого разного сброда, селившегося на торговых и рыбных местах Волги, Дона и Днепра. Всех влекла сюда плодородная лесная почва, на которой хорошо росла пшеница и драгоценный лён, а также множество речных дорог, бегущих во все стороны света. Часть эрзян и мокшан были отеснены на куликовы поля Хопра и Суры. Кто-то, такие как стребляне-мокши и мурома, жили на этой земле, называемой сейчас арабскими торговцами Тёмной, Смоляной, Чёрной с тех времён, когда здесь ещё стоял до неба ледник, и его вершина была выше облаков, а кто-то, такие как голядь, полтески и чудь, пришли сюда незадолго до кривичей. Жили здесь по глухим местам на севере ещё меря и кама, и племена, не знающие ещё способов выплавки железа и приёмов земледелия. Их злые волхвы из уст в уста передавали предания о временах, когда их бог-создатель Вяйнямёйнен и его сын Юммо сотворил эту землю. Они растапливали огнём ледяные горы и разливая реки, ручьи и болота, прорезали в камнях долины, создавая холмы и пещеры. Они повествовали о временах, когда вся земля здесь была ещё островами среди рек, озёр и болот.

Полтески, бывшие в тесном родстве с гуннами, пришедшие с востока и получившие от мокшан и мери кормление в обмен на защиту от врагов, спасаясь от многочисленных и беспощадных кочевников, постепенно переселяющихся семьями с запада из-за Днепра, нашли в этих лесных просторах долины, ещё не полностью заросшие лесом, и в течении нескольких поколений, выжигая их, обеспечили место для выпаса своих лошадей и овец. Стребляне говорившие почти как пруссы, курши и другая литва приморская, но не почитавшие прусских богов, жили здесь сперва без своих семей, в укрепленных посёлках, на острых мысах, образованных в местах слияния рек. Они охотно принимали к себе женщин мокшан и чуди, и занимались обменом меха на свои железные и гончарные изделия. Бурундеи, призванные эрзей с юга, жили у рек, строили большие и малые лодки и лодии, плавали на них к хазарам, а зимой ездили туда по речному льду на повозках. Они больше всего ценили пленников, продавая их аланам и хазарам на Кавказ, готам в Тавриду, или иудеям в хазарский Киев. Бурундеи завладели плодородными куликовыми полями за Окой до воронежских эрзанских городищ, в те года, когда там было тихо, и толпы восточных народов не брели ещё на запад, ряженные все в разные одежды.

Князь Всеслав Банрянородец построил свой первый город намного севернее этого места – моста между разными частями света, на холмах между рекой Стоход и рекой Нерль, там, где каждую зиму по льду чудь, карелы и словене везли пушнину для продажи бурундеям и хазарам. Город он назвал по имени своего деда, но чудины и голядь, живущие вокруг, стали город называть Каменной Ладогой, из-за множества больших валунов в земле. Этих огромных валунов было меньше, чем в Ладогe-на-Волхове, но для Нерли это было необычно, и это

название так и прижилось. Почти все эти камни почитались местными племенами как живые божества. Считалось, что они сами размножаются, передвигаются и обладают чудодейственной силой. Построив из этих священных камней свой город, князь заявил всем, что он теперь главный проводник воли богов небесных, земных и подземных. Поселения своего племени и поля для сева, добываемые у леса путём сожжения деревьев, отец Стовова долгое время, пытался отделить от поселений стрелян, чьи земли начинались здесь и шли дальше на юго-восток, но эти воинственные охотники и рыбаки упрямо не желали уходить. Поскольку и кривичи, и голядь селились вдоль рек, ручьёв и озёр, их деревни и сёла стояли вперемешку, что затрудняло сбор на праздники и богослужения, и постоянно вызывало стычки из-за мест разведения скота, ловли рыбы, охоты и собирательства.

Несколько походов, предпринятых против стрелян старшими братьями Стовова в союзе с чудинами, закончилось тем, что стреляне начали выжигать посеы зерна кривичей, на возделанных с великим трудом полях и травить скот. Охотники стреляне и рыбаки чудины почти сразу после этого ушли на север, а кривичам пришлось самим расселяться длинной полосой вдоль рек на юго-восток, создавая пустые ничейные участки леса, потому что кроме рыбы и дичи, другого пропитания из-за этой войны стало не хватать. Дань со стрелян и плата за провоз пушнины, получаемые братьями Стовова, а после их гибели во время войны с ятвягами и одним Стововым, давала возможность покупать у бурундеев степных коней, а у пруссов хорошее оружие. Полтески, постоянно нападающие на кривичей у реки Москвы, заставляли Стовова иметь наготове сильную дружину. В свободное от походов и войны время, дружинники готовили лес для постройки лодий и кораблей для бурундеев, продавали мёд и дёготь, выжигали леса под хлебные посеы. В это время они были просто вооружёнными зажиточными общинниками. После строительства города Каменной Ладоги, по примеру князей кривичей из Полоцка и князя словен, и по подобию чуди на Ильмене, и Ладого, отец Стовова тоже стал называть себя князем. Желая придать себе в глазах диких стрелян ореол могущественности, по совету одного восточного торговца, он стал себя именовать Багрянородным, намекая тем самым на цвет императорской мантии Византийского императора и пролитую в войнах кровь побеждённых врагов. Это же прозвище перешло и к Стовову. В конечном итоге часть стрелян смирилась с соседством кривичей как с неизбежным злом. Вятичи с юга и эрзи, представлялись им большим злом.

Как ни старался отец Стовов создать что-то похожее на страну греков и ромеев, принимающую к себе множество народов с одним языком и верой, ничего не получалось даже отдалённо похожее. Как только дружина князя, оказывалась в стенах его города, то и страна сокращалась до размера этого города. Все остальные просторы делали что хотели, когда хотели, с кем хотели, словно кривичей, полтесков и словен здесь никогда и не было. Когда князь выходил для сбора кормления, все смотрели на его плоты и лодки с дружинниками как на чудо дивное, будто первый раз его видели. И каждый раз всё приходилось начинать сначала с помощью плетей, поджогов, убийств и пыток. Этот замкнутый круг разрушался постепенно, и не было никаких надежд, что он когда-нибудь разомкнётся совсем. И эти огромные, богатые и многоплеменные земли обретут порядок и стройность. История пришествия северных славян к Москве так же обычна, как история рождения самих славян из даков, фракийцев, кельтов и греков в Иллирии на Дунае, и разделение их потом на множество славянских племён, разошедшихся по миру, как когда-то в далёкой древности разошлись по всему миру племена евреев.

В позапрошлом году, южнее реки Нерли, во время его похода на стрелян из Тёмной земли, случились события, перевернувшие привычный мир взаимных набегов и тоскливых морозных зим восточных кривичей Стовова. В тот год среди притоков реки Клязьмы сначала стали происходить огненные чудеса, грохотом летать по небу пылающие звёзды, а потом появился торговец Решма, как он говорил, с востока. Его сопровождали странные люди, у них были волшебные предметы и снадобья, неведомые ни знахарям, ни волхвам. Только живший

в Медведь-горе книжник Рагдай, много лет живший в Константинополе, говорил, что читал про греческие хитроумные машины и целебные составы, но такого точно он там не помнил. В то же самое время там появились викинги Вишена и Эйнар. Они укрывались здесь от других викингов, желающих совершить в отношении них кровную месть.

История там была неприглядная. Вишена был воином в дружине Гердрика Славного, когда, после удачного похода на чудь в Пермии на Онеге, была взята огромная добыча у торговцев солью и пушниной. Большая часть дружины Гердрика взбунтовалась против несправедливого дележа добычи, и конунг был убит. Вишена с Эйнаром захватили всё золото и убежали с ним в Тёмную землю к стрелянам. Потом они вернули дочерям конунга золото, а главаря мятежников убили. Так говорил потом Рагдай. У Решмы были другие планы. Желание этого торговца выгнать стрелян с земли у Звеньящих холмов между притоками Клязьмы, совпадала с планами мести самого князя Стовова. Стрелянский городок Дорогобуж был захвачен, а книжник Рагдай, помогающий стрелянам сбежал. Неожиданное вторжение в эти места войска далёкого западного народа, его гибель в сражении с кривичами и стрелянами в канун Журавниц, огненное извержение Звеньящих холмов, бегство Решмы и дружины викингов, вспоминалось теперь в сказках волхвов как Ярилино наказание за худосочность жертв на алтарях капищ, и предостережение Стовову Багрянородцу, о недопустимости скаредности в делах веры. Много раз звучали и призывы волхвов вернуть человеческие жертвоприношения, отменённые дедом Стовова сто лет назад. Будучи сам верховным волхвом Ярилы-Солнца, Стовов всячески этому противился, чтобы не отпугнуть от себя стрелян, мокшан, ятвягов и бурундеев. Полтески, убивающие пленных на алтаре в честь богов Хорса и Семаргла, своей свирепостью только уменьшали свою возможность договориться с соседями. И если народ князя Стовова знал и мирные годы, когда он мог растить сыновей и сеять хлеб, то полтески из-за своего упрямого людоедства, воевали всегда, всё убывая и убывая численно.

После исчезновения Решмы, книжник Рагдай вдруг появился перед Стововом с неожиданной вестью о своём желании совершить поход на запад.

По его словам выходило, что когда он был в Полоцке для продажи переписанных книг, ему встретился восточный торговец. Его богатство было невероятно для торгового города, где золотую монету видели редко, а всё больше серебро, а янтарь и пушнина были самыми дорогими товарами для торговли, если не считать невольников. Этот восточный торговец расплавлялся золотом, на нём было множество золотых украшений, а его телохранители-степняки, могли потягаться с любой княжеской дружиной. Этот торговец, купив все книги Рагдая, на греческом и на латинском языках, захотел составить историю жизни своей семьи, происходящей из аварского племени. Рассказав Рагдаю о своём желании, он продемонстрировал книжнику множество диковинных предметов из восточного государства Сина, по другому говоря Китая, и рассказал о несметных сокровищах этой страны, попавшей к аварам после удачного налёта на латинян во Фракии у реки Марицы, севернее Андрианополя.

По его рассказу там был шар, размером с голову человека, где были изображены известные и неизвестные земли и моря, и расстояния между ними, и неведомые знаки и письма. Этот шар золотого цвета, лоцию всех земель и морей, созданную неведомой силой, и пожелал увидеть Рагдай. Князю же было обещано сокровище несметное, великие богатства. Это позволило бы князю Стовову Багрянородцу подтвердить своё императорское прозвище не только гонором и смелостью, но строительством городов, созданием большой дружины, изготовлением кораблей, походами и присоединением земель, выходящих к морям.

К великому сожалению, торговец был вскоре убит неизвестными людьми, а его охрана разбежалась, кто-то разграбил его вещи. На задаток для написания истории торговца-авара, Рагдай решил предпринять поход для поисков Золотой Лоции. Он убедил князя кривичей Стовова Багрянородца, бурундийского князя по прозвищу Эрезан, стрелян голядских с берегов Клязьмы и Москвы, полтесков с Волги, выделить силы для поиска несметных сокровищ. Раз-

деление долей будущей добычи всех устроила, но по настоянию Рагдая, седьмую часть добычи, следовало отдать дружине викингов Вишены Стреблянина. Только викинги достаточно хорошо знали восточную Европу, тамошние обычаи и дороги. Из всех помощников, Рагдай мог надеяться только на Вишену и Эйнара. Их участие в событиях вокруг Звенящих Холмов в прошлом году, верность слову, военное счастье и несгибаемые характеры, делали их незаменимыми участниками будущего похода. Стовов нехотя согласился с этим, но только после того, как Рагдай согласился отдать викингам свою долю сокровищ, без ущемления остальных, оставив себе только возможность получить Золотую Лоцию. Место сбора всей рати под началом Стовова, было назначено в устье Западной Двины в первый день лета.

После безумной деятельности и множества труднейших зимних поездок между правителями, Рагдай, за свои средства отправился разыскивать Вишену в Варяжском Море. Стояли ещё трескучие морозы, когда он уехал по льду на северо-запад, маша на прощание рукой. Спустя два месяца Стовову стало казаться, что он его больше не увидит и весь поход зря, и если Ятвяга Полоцкий откажется от него, то он с удовольствием тоже никуда не двинется, а отправится летом покорять несговорчивую голядь и мурому в который раз...

Туман, перемешанный с дымом очагов, словно размышлял, упасть ли ему на дёрн крыш в виде инея, или обернуться росой, согласуясь с утренним солнцем и уже совсем тёплым ветром. Между домов-землянок города Стовграда бродили в задумчивости козы и свиньи. Внутри стен города, состоящих из рва и вала с частоколом, кроме землянок, срубов мастерских и кладовых, располагались ещё навесы и сараи из прутьев, где стояли сонные коровы и быки. Они пускали пар из ноздрей, мычали и гремели деревянными колокольцами на шеях. около одного из сараев расположились двое среблян, молодой и старый, занятые плетением корзин из ивовых прутьев.

– Слушай, что я тебе скажу, Пордя, нам этот славянский князь Стовов, как медведю сани, и пусть себе идёт за тридевять земель хоть к Алатырь-камню, хоть к Ледяному морю, хоть к южной Сурожи, – сказал морщинистый старик в облезлом лисьем кожухе на голом теле, плетущий корзину, своему совсем юному собеседнику.

Юноша, почти мальчик, помогал старику счищать скребком кору с прутьев. Время от времени он поглядывал на трёх княжеских дружинников, рослых, ловких молодцев в войлочных и льняных одеждах, расшитых шёлковой тесьмой, гоняющих немного хромящего вороного красавца-коня близ надвратной башни – единственного строения, нарушающего монотонность сплошного кольца частокола на валу вокруг города в месте слияния двух рек. Стены города были сделаны из двух колец, вертикально вбитых в насыпь заострённых брёвен. Между внутренним и внешним кольцом брёвен, была засыпана земля с камнями. Со стороны не закрытого реками участка, стена была выше, и перед ней был выкопан глубокий ров – место, откуда была взята земля на засыпку стен.

Утренний туман висел между низенькими полуземлянками с редкими крохотными оконцами, затянутыми рыбьим пузырём. Строения эти были завалены более чем наполовину землёй и мхом, и если бы не оконца, чёрные проёмы дверей и дымы над крышами, то издали глядя, можно было подумать, что это могильные курганы. Несколько более крупных строений располагались ближе к княжескому дому. Там были видны кучи дров, рыжей болотной земли, богатой железом, полу готовые колёса повозок и полозья саней, лезвия кос и наконечники вил и острог. Неподалёку, перед дубовыми столбами-идами с оскаленными лицами Ярилы, Рода и Перуна, несколько стрелян в кожухах мехом наружу, в длинных войлочных и меховых шапках, складывали высокий костёр. Посреди костра было установлено бревно. Ими руководил старец с седой бородой, в рысьей шапке, бобровом кожухе почти до пят мехом наружу, в бронзовых и серебряных украшениях и ожерельях из рысьих, медвежьих и волчьих зубов.

– Смотри, как стараются, чтобы сжечь злую знахарку, – указывая глазами на костёр около капища сказал старик.

Щурясь в лучах восходящего солнца, он остановил движение коричневых пальцев, повертел перед собой законченное дно с торчащими, как солнечные лучи, прутьями – каркасом будущих стенок.

– Правда, что она виновата? – с сомнением в голосе спросил юноша.

– Если волхвы так говорят, значит, они знают. Эта бабка Додола заколдовала все наши посеы, гречиху, овёс, пшеницу, рожь, напустила прошлым летом злые дожди, и осенью заставила всю скотину заболеть и подохнуть половину, – важно сказал стреблянин, – кривичи тоже считают, что это кто-то их стреблянских женщин виноват. Князь Стовов сказал, что видел сон, где его предки указывали на Додолу. Те семьи, чьи роженицы умерли от того, что она им неправильно помогла при родах, тоже требуют её смерти, считая, что это её колдовство.

– Говорят, что есть страны, где принято вместо кровной мести платить выкуп, – осторожно спросил Пордя, – вроде, Стовов хочет тоже так сделать, чтобы народ попусту не изводился.

– Да уж сделал, теперь только он хочет решать, убивать обидчика, или нет. Вот раньше у стреблян голядских была своя древняя правда: если убил – ответь кровью, и будет обидчику мстить вся семья, пока месть не свершится. И время значения не имеет. А теперь можно откупиться коровой. А за убийство раба вообще курицей. Это неправильно. Раньше вокруг рек Нерли и Москвы не было такого, чтоб не украсть невесту перед свадьбой. А теперь? Пришёл немощный, старый, принёс мех и горсть серебра отцу, и всё, забирай суженую. Тьфу, противно... – сказал старик, – курганы над могилой насыпают только, а раньше всем насыпали общиной, и головой на север кладут, а не на восток как Змея велела. Особенно мокшадь надоела со своими поучениями, как надо предков слушать...

– А ты-то сам как жену брал? – снова спросил юноша, облизнул потрескавшиеся губы и приготовился слушать длинный рассказ.

– Пришёл и взял, когда она согласилась, прутья давай, – сердито буркнул старик, – я её выкрал из самого Полоцка. Не то, что ныне. Нынче князь своего кровного сына к лютым врагам посылал в самое логово, да ещё в провожатые ему дал мурмона-душегуба Ньёра. Сгинь нечисть иноземная – шивда, вимзла, якутилима ми!

Произнеся таинственно стреблянский заговор от нечистой силы, старик плюнул три раза перед собой и поклонился в сторону ярко раскрашенной деревянной фигуры Ярилы, вкопанной посреди двора.

– Князь Стовов и его кривичи настоящие враги нам, не знаю, почему вождь Оря Стреблянин позволил ему поселиться на наших самых бойких местах, охотничьих и торговых, пожечь бы всех, – старик недобро оглянулся на дружинников, гоняющих коня, – пусть князь уходит, как один раз уже ходил на куликовые поля с бурундями, когда все кони полегли на от какой-то заразы. Теперь злой ходит, опять куда-то собрался славу добывать, лучше бы литву отогнал, чтоб он подох...

– Говорят, он хочет, чтоб у него, как у царей востока и запада было постоянное войско из дружинников, и что он на запад, по янтарному морю пойдёт, – мечтательно сказал Пордя, поворачивая лицо туда, где над лесом медленно таяла последняя полоска уходящей ночи, – я бы пошёл с ними, клянусь Матерью Рысью и Змеёй.

– Да, он уж объявил, что теперь дружина у него будет постоянно, а все будут её кормить... – старик плюнул под ноги, – а ты, если такой прыткий, иди, попроси Орю Стреблянина взять тебя в поход, там шею-то себе и сломаешь!

– Пойду к Оре, попрошу, чтобы он взял меня в поход Стовова на запад...

– Тьфу на тебя... – старик хотел сказать ещё что-то, и уже открыл рот, но его опередил лучник-стреблянин с надвратной башни, крикнувший громко:

– Вижу конный отряд на берегу! На щитах змеиное солнце бурундеев. Это воевода Кудин! Будите князя!

Из длинной избы, наполовину засыпанной землёй, появились несколько княжеских дружинников. Всклопоченные, помятые ото сна, в одних рубахах и портах, в не зашнурованных поржнях на босу ногу, они подошли к воротинам и сбросили на землю бревно, скрепляющее створки. Затем они растащили створки в стороны. По двору пробежали две черноволосые и смуглолицые рабыни в войлочных накидках поверх рубах, и в вышитых понизу юбках. Из их кадок расплескалось белоснежное молоко, вслед им где-то завздыхали, замычали коровы. Чавкая по грязи, промчались с визгом поросята. Их преследовал мальчик с хворостиной.

– Вот я вас сейчас! – строго кричал он.

Из дверей изб-землянок начали появляться наспех одетые, встревоженные мужчины в простых домашних свитах, портах и встревоженные женщины. Не то, чтобы стрельяне боялись гостей, но всё могло произойти. От шума и гомона множества голосов всполошились под навесами куры, гуси, загавкали собаки, захрапели у коновязей лошади.

– Собираются душегубы со всех краёв Тёмной земли в Стовград, – сказал старик и поднялся на ноги, – а раньше селение Стоход было стрельянское, и жило вокруг него множество семей вдоль реки, и называлось всё это Стоха.

Он кинул начатую корзину себе под ноги, потянул мальчика за рукав, сказав:

– Пойдём, схоронимся от лиха. Бурундеи скакали всю ночь, на своих диких конях, злые, небось, как собаки, начнут ещё плетями бить ни за что, будто мы рабы их...

Юноша с неохотой послушался. Перед тем, как скрыться в затхлом зеве землянки, откуда поднимался душливый дым очага, он оглянулся и с восхищением сказал:

– Князь!

Под дощатым навесом, стоящим на грубых резных столбах крыльца большого княжеского дома, появился немолодой, тучный человек в богатом облачении. Быстрые серые глаза его внимательно смотрели из-под нависших бровей, извилистые складки по щекам до густых усов и бороды, придавали лицу усталое выражение. Дорогой пурпурный плащ, тканый золотой нитью, свободно спадал с широких плеч, открывая на груди вышитый стоячий ворот свиты, льняной рубахи с красными орнаментами на рукавах, вперемешку с золотой нитью. Пояс его, расшитый стеклянным бисером, камнями и золотом, ослепительно сверкал на солнце.

Князь опёрся плечом об один из столбов. Оглядел город, капище, сооружаемый костёр, дымку над рекой за стенами, стоящие там под навесами около ледяного зеркала лодии и лодки в окружении кадок с дёгтем, комков пакли и досок для ремонта, взгляделся в приближающийся конный отряд. Следом за князем из дома на крыльцо вышли несколько дружинников. Все они имели вид свирепый, на всех были золотые кольца, браслеты и цепи, словно они тоже были князьями. Трудно было себе представить, что кроме охоты, так похожей на войну, они, как все кривичи, ещё и пахали землю и обмолачивали зерно. Их плащи, кожухи и штанины были расшиты разными узорами, камнями самоцветными. Сапоги были натёрты жиром до глянца, а шапки, рукава и воротники украшены мехом куниц и белок. Они степенно сошли со скрипучего крыльца и выстроились возле него полукругом. Из большой соседней избы вышли два десятка молодых воинов младшей дружины. Золота на них было меньше, но оружия в руках больше. Топорки, копья и луки были у них наготове, хотя и не выставлялись сильно на показ. Княжеская челядь-рабы, кухарки, пекари, конюхи, кузнецы, плотники, водоносы, кто вышел, кто выглядывал из дверей домов. Стреляне стояли кучками у своих землянок, общественных скотных и птичьих сараев, без особой радости наблюдали за тем, как сторожа на башне перекивались с кем-то, поднимающимся в гору к княжескому городу Стовграду.

В проёме надвратной башни из туманного пространства появились острия копий со змеиными языками-флажками, затем яйцеобразные железные шапки, утыканые по ободу клыками хищников, потом заросшие бородами лица. На бурундеях, под плащами, были кожаные панцири поверх свит, как у степняков, усиленные железными бляхами. Лошади были не боль-

шими, но откормленными и резвыми. В руках знаменосца трепетал красный стяг на поперечной перекладине с изображением трёхглазого оскаленного солнца с лучами-змеями.

– Смотри, князь, на них железа мало, больше кожа! – сказал Стовову дружинник с рябым лицом, – а мы в кольчугах сгибаемся от тяжести, и у всех кони, а у нас лодки!

– Ты чего тут, Полукорм, тебе велено идти к лодям на реке и гнать народ работать, да следить, как конопатят щели! – не оборачиваясь, сказал хрипло князь, – живо туда, а то, вместо похода, будем где-нибудь на море починкой заниматься. Если что не так делают, ты этих стрелян плетью бей!

Полукорм поспешно кинулся к воротам. Он свернул вправо к реке в тот момент, когда копыта бурундейских коней уже загрохотали по бревенчатому настилу моста через ров. Один из дружинников повернулся к князю:

– Их ведёт не Кудин, и их меньше, чем ждали, а коней-то у них сколько, вот сокровище...

– Иди в лес и налови диких кобыл, я от своего доброго коня тебе семья дам, и, через пять лет будут и у тебя кони хорошие...

– Пять лет их кормить надо.

– У тебя детей восемь, найдёшь, кому их пасти!

Грохоча подковами, в Стовград въехала небольшая, но отборная бурундейская дружина. Всадники, увидев Стовова в окружении своих людей, стали спешиваться. Низкорослые, но сильные кони с густыми гривами фыркали, трясли головами, пускали струи пара из трепещущих ноздрей, били копытами и кусали удила. Их недавняя вольная лошадиная жизнь в перелесках Оки и Волги, не давала им покоя. Один из бурундеев, седой как лунь, с серебряной бляхой в виде солнца на груди, в красивом бобровом кожухе мехом вверх, подошёл к князю по чавкающей грязи, не обращая внимания на дощатый мосток, и снял железную шапку с пуховым подбоем.

– Я Мечек, вирник и воевода князя Резана Пешуса, властелина всех земель мокоши и муромы, голяди и эрзи до самой южной хазарской степи. Я привёл воинов, как просил твой посланец Рагдай для похода на запад, и дары князю Стовову Багрянородцу и стрелянским старейшинам, – сказал старший бурундеин.

– Сильны бурундеи врать, – проворчал за спиной князя кто-то, – аж до хазар себя князьями назначили...

Двое молодых бурундеев проворно соскочили с коней, стянули с них сумы и поставили их на мостки.

Стовов медленно сошёл с крыльца и произнёс:

– Приветствую тебя, Мечек, вечером устроим пиршество, коням твоим лучшего зерна дадим.

– Мы шли по льду всю ночь, чтобы успеть к обговорённому дню.

– Хвала князю Эрезу Пешусу, исполняющему свои обещания!

– Хвала!

– Это что тут у вас будет? – спросил воевода, указывая на сложенный костёр и собирающихся вокруг него жителей.

– Тут колдунью нашли, что урожай портила и скотину морила у нас, – сказал один из дружинников князя.

– Интересно будет посмотреть, у нас сжигают с домом и всеми вещами, потому, что они тоже колдовскую силу имеют

– У нас тоже так, если волхвы об этом говорят. Но главная сила колдунов в волосах – у мужчин колдовская сила в бороде, а у женщин в косах. Если они сгорят, вещи уже не так страшны.

– Ну-ну...

Бурундеи развязали сумы и показали князю массивный кубок: из бронзы в виде бараньей голова на витой подставке, восточной хазарской работы, отрез ярко-красной шёлковой ткани. Дружинники Стовова одобрительно загудели, а сам князь с довольным видом похлопал в ладоши и сказал:

- У бурундеев всегда что-то интересное есть, не то, что тут: мех, мех, да мех...
- Так ведь мех бобра, куницы и белки – самое ценное!

Стовград тем временем заметно оживился. К костру собралось несколько сотен человек, стрелян, кривичей и мокоши, землепашцев, мастеровых и рабов. Женщины, старики, дети хотели присутствовать при сожжении колдуньи, принёсшей им много горя. Двое волхвов с видом гордых божеств в искрящихся меховых одеяниях, с высокими посохами, украшенными когтями и клыками диких священных животных, стали около костра и стали выкрикивать обвинения колдунье. Кроме гибели из-за дождя большей части прошлогоднего урожая, болезни коров и быков, смерти трёх рожениц с детьми, её приписали разбойные нападения дедичей на купцов, из-за чего в этом году часть обозов с солью биармов и пушниной, шла на Волгу через реку Сить и булгар, а не через Москву.

Когда привели колдунью, народ зашумел, засвистел и заулюлюкал. Маленькая, сухая, скрюченная женщина с распущенными седыми волосами была обёрнута в рогожу из лыка, не спасающего от холода и ветра. Босая, в синяках и кровотокащих ссадинах, она смотрела на мир не видящими глазами и на её морщинистом лице синюшного цвета, была написана только мольба об избавлении от страданий. Её затащили на кучу дров и хвороста двое расторопных рабов, помощников волхвов, и привязали лыковыми ремнями к столбу. Ещё один слуга держал в руках чадающий факел, а другой поливал костёр растопленным жиром из бадьи.

– Смотри, о, Ярило, Мать Змея и Рысь, на то, как мы предаём твоей власти тело и душу этой колдуньи, – протянув руки к идолам, запел один из волхвов, и все застыли неподвижно, жадно ловя его слова, – тело, оживлённое вашим жаром, сделанное злой силой из пепла и глины, вернётся в подземный мир, к злым духам-предкам, а душа её поднимется на небо, и предстанет перед судом, принадлежащая только вам, о, великие!

– Мы освобождаем сей мир от чар её, и более не властны её проклятия над посевами, скотом и людьми земли этой! Шивда, вимзла, якутилима ми! – запел второй волхв.

- Смерть ей! Смерть! Сжечь колдунью! – закричали в толпе.

Волхвы перестали петь и посмотрели в сторону княжеского дома, где стояли князь, его гости и дружинники. Настала тишина. Стало слышно, как потрескивает в руках раба факел, стонет старуха, а в каком-то доме плачет грудной ребёнок. Стовов наслаждался мгновениями всеобщего внимания, и махнул рукой. Тот час костёр был подождён и вспыхнул как частичка жаркого солнца. Пропитанная жиром древесина с треском и искрами горела как бешенный зверь, в одно мгновение обвив красно-белыми языками фигуру колдуньи. Её волосы вспыхнули под ликующие возгласы толпы, уверенной, что её колдовская сила погибла теперь. Было видно, что старуха мгновенно задохнулась, безжизненно повиснув на своих путях. Её лыковые одежды тоже загорелись и стали съживаться вместе с её телом. Тошнотворный запах горелого человеческого тела и свиного жира распространился над городом. Треск, свист и гул мощного пламени сопровождал это неистовое горение. Грязь вокруг быстро просохла и спеклась коркой.

– Слава Яриле, Матери Змее и Перуну! – после долгого молчания закричала толпа, – слава Стовову Багрянородцу!

– Разве сначала не принято у вас пытаться её водой? – удивлённо спросил Мечек, – если она связанная утонет, то она не виновата.

– Это для тех колдуний, что не сознаются, а эта призналась, что вредила нам всем, – ответил Стовов нехотя.

Матери, имеющие на руках грудных детей, начали расходиться, собаки перестали лаять, а волхвы принялись что-то обсуждать, поглядывая, то на солнце на небе, то на реку. Несколько

старших мечников Стовова стали распоряжаться размещением бурундеев по домам князя и горожан. Другие, обсуждая силу огня, пошли за Стововом и Мечком в княжеский дом, держать совет. Челядь князя насыпала ячмень для лошадей в корыта у коновязей. Кузнецы осматривали подковы, рабы начали таскать воду. Гремя железом и устало перешучиваясь, всадники стягивали с лошадиных спин солёные от пота сёдла, складывали копыя и щиты у стены кузницы, пили поднесённое молоко, вымачивая бороды и усы в белом.

Низкое пространство длинного княжеского дома, кое-где рассекало лучами, тусклое свечение утреннего солнца. Горизонтальные огромные брёвна стен по верху были скреплены брёвнами поменьше. На них, кое-где, лежали поперёк толстые доски, отколотые от стволов. К ним крепились жерди, накрытые сверху чёрной от копоти деревянной дранью крыши. Там, где дрань разошлась, виднелись куски мха, растущего сверху. Везде на полатах, на полу и лавках здесь лежало и висело оружие, щиты, доспехи. Лежали грудой соболиные шкурки, выделанные кожи, медные и бронзовые блюда, горшки и вазы, отрезки тканей, мешок-пузо русой соли. Две мохнатые большие собаки лежали у очага посреди избы. У задней стены сидели на полатах две молодые рабыни с красивыми соломенными волосами. Склоняясь, они что-то шили в полумраке. На лице у одной из них были видны чёрные синяки от побоев. Мечека и двух старших бурундеев усадили на лавку посреди длинного стола. Стовов сел напротив под развёрнутым на стене стягом – чёрная когтистая птица с головой медведя на красном поле.

– Для совета пусть останутся старшие дружинники Семик, Ломонос, Мышец и Тороп. Остальные пусть идут на берег, смотрят, как готовят лодии и лодки к походу. Чтoб пеньку хорошо сушили, прежде чем в берёзовом дёгте вымачивать и в щели забивать, и всякое другое...

Князь положил тяжёлые, большие руки в золотых перстнях перед собой на доски стола.

– А ты, князь, ещё рассудить обещал Хора и Сохатку, – сказал Семик, усаживаясь по правую руку от князя.

– А чего там?

– Негодник Хор украл козу, убил, повесил в лесу и ел сырую тайком три дня, пока его дети не заметили. Стреляне его в яму посадили, думают, он волк-оборотень, ведь домашние животные уже давно пропадают у всех в окружающих селениях.

– Хорошо, тащи его сюда.

Пока Ломонос распоряжался по поводу вора, Стовов решил допытаться, почему не пришёл старший воевода, мудрый Кудин, может, Резан не верит в успех похода, и решил не посылать верного человека.

– Так что, почему Кудин не пришёл? – спросил он.

– Кудина на охоте задрал медведь. Подломилась острога, остался против громадины с одним ножом. А у медведя на одной лапе таких ножей пять штук. Вот и задрал. Славный был воин. Может волхвы вылечат его, но, когда мы уезжали, он уже чёрный весь лежал, уже не стонал, дышал еле-еле... – тихо сказал Мечек, и вдруг оживлённо добавил, – пока шли, сцепились на реке Моче с мокошью. Они со скарбом переправлялись по льду в сторону Оки. Они в прошлые семенины сожгли наш город Игочев. Мы напали на них вдруг, недалеко от берега, они бросили сани на льду и вышли на берег в снег непролазный. Спешились мы, но победа не далась, лёд у берега крошился под нами. Они пускали из зарослей стрелы. Пришлось от них отстать, взять всё ценное, а сани их сжечь. Потом приключений до самого Стовграда не было.

Вздрагивая от взглядов, в тишине, рабыня с синяками на лице, по знаку Торопа бросила шитьё, взяла из углей и поставила на стол горшок дымящегося мяса, вынула из-под полатей кувшины медовой браги, принесла и поставила кубки, ржаной хлеб с отрубями, мочёную клюкву. Как драгоценность, она поставила на стол солонку из гранита. Стовов кивнул, а Мышец, улыбаясь в рыжие усы, разлил по чашам из меди тягучий янтарный напиток.

– Что нового в городе эрзени, здоров ли брат мой, князь Пашус? – спросил Стовов, стуча перстнями по столу, – не тревожат ли мурома и дедичи? Как сыновья его растут?

– Все славно, хвала богам, город Рязань вся ширится на торговле с хазарами и булгарами, сделали две новые угловые башни, второй хороший колодец, загоны для скота вынесли за стены. Эрзени, что выбирали место для своего города и капища бога Верипаза в незапамятные времена, хорошее место нашли, и князь правильно сделал, что его занял, а не стал строить свой город. Князь Пешус принял имя Гостислав, а потом ещё имя Резан, и стал бодр, словно эрзенские боги стали его своим признавать. Он быстро оправился от болезни лихомановой. Сам ходил на восток собирать дань с муромы, мокоши и эрзени. Только на юге за куликовыми полям у Хопра и Суры дедичи с хазарами и аланы торговле мешают. Только вот во всём поочье голядь пока держится от этой чуди мокшанской, хотя их дедичи и вятчи с юга совсем прижали, а мы с востока. Сыновья князя растут быстро, крепко, скоро на коней сядут да будут постриги их в мужчины. А говорят, пятеро твоих сыновей и старший Часлав тоже растут быстро и крепко?

– Да, княжичи здоровы, они в городе Каменная Ладога с княгиней Белой, – ответил Стовов, отхлебнул мёда, снял ладонью капли с бороды и добавил, – княжичу старшему пора уже на охоту ходить, куропаток бить, привыкать к походам и лесу, а он всё больше спит, да на небо глядит.

В избу с шумом и бранью, младшие дружинники князя князя Беляк и Дубень втащили огромного детину со слипшимися от глины волосам и бородой, с вытарашенным от страха глазами. На нём была мокрая меховая накидка на голом, грязном теле. Следом появились несколько стариков в шапках из голов рыси, длиннородые и худые.

– Вот вор, что козу украл и съел в лесу, – сказал Ломонос, – старейшины говорят, что без тебя его судить не будут, раз ты по уговору теперь князь над здешними стрелянами.

Старейшины закивали головами.

– А что они для него готовили?

– У голяди за воровство отрубает руку и выгоняют в лес, – сказал Семик.

– Какая дикость, это же верная смерть! – притворно воскликнул князь, – бог-солнце Ярило не любит неоправданных убийств.

– Но он сознался, что уже не первую козу чужую съел, – сказал Беляк и толкнул обвиняемого в спину коленом, – признаёшься, гад ползучий?

– Признаюсь, – мало чего соображая, ответил Хор, – виноват жизнью своей...

– Ах ты, глядь стрелянская, голядь нищая! – прошипел презрительно Семик, – ты хоть раз в жизни мылся, богам молитвы читал, жертвы приносил?

– Тогда я, как верховный волхв Ярилы-солнца, князь, выбранный кривичами и стрелянами, приговариваю тебя к битью палками в течении трёх дней. Если выживешь, будь перед всеми чист. Всё имущество разделить между пострадавшими, а если такового нет, то самого его и детей отдать тем в работы для расчёта, – произнёс князь со скучающим видом, – или просто отдай резан дирхема за козу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.